

ВИЖУ ПОЛЕ

ВЛАДИМИР БУРОВ

Владимир Буров

Вижу поле

«Издательские решения»

Буров В.

Вижу поле / В. Буров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856003-3

Герой романа — Владимир Королев. Здесь он уже в двадцать лет за победу на Олимпиаде случайно не получил награду. А потом восемь лет официально не играл. Был на зоне, а на самом деле играл под другим именем. Это роман про игру в футбол. На зеленом большом поле, на лужайке, на песке в хоккейной коробочке, в бане, в милиции, на зоне, в буре, на танцплощадке. Есть также несколько глав про его отца, который играл в футбол с немцами, попав в плен по спецзаданию. Слова его звучат, как мантра: «Вижу поле».

ISBN 978-5-44-856003-3

© Буров В.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	8
1	8
2	9
3	11
4	14
Глава вторая	20
1	20
2	26
Глава третья	31
1	31
2	37
Глава четвертая	41
Глава пятая	50
1	50
2	54
3	58
Глава шестая	62
1	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

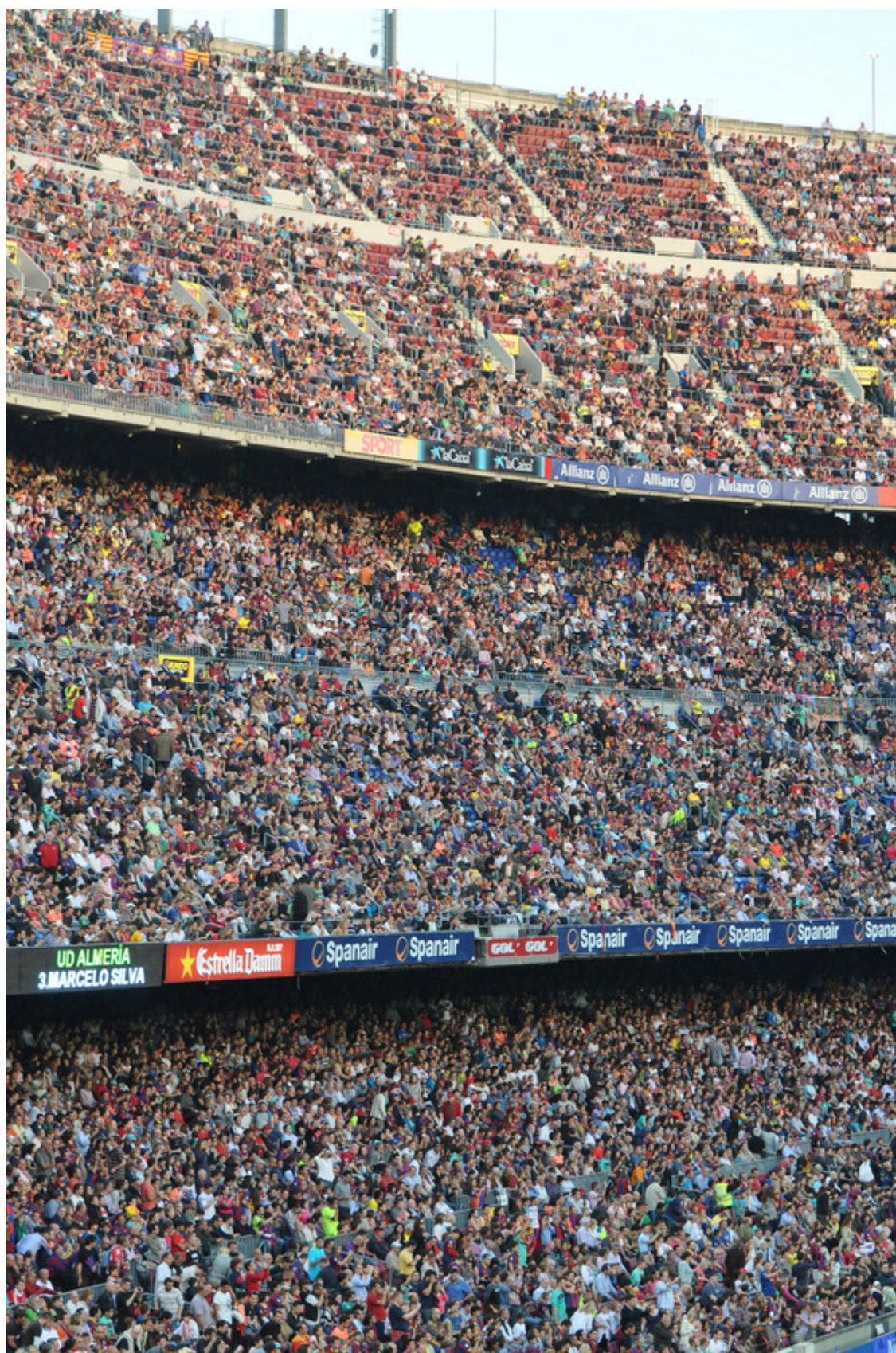
Вижу поле

Владимир Буров

© Владимир Буров, 2017

ISBN 978-5-4485-6003-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Имена героев романа вымышленные.

Слоган

Форварды никогда не покидают поле

Посвящается моей любимой дочке Анне

Эпиграф

Давно, давно я с вами не был вместе,

Но вы, конечно, вспомнив про меня,

Рукой махнете...

Вадим Козин

Глава первая

1

Владимир стоял за воротами и смотрел на поле.

– Парень! Парень!

– Да, – сказал Владимир, когда подбежал поближе.

– Можешь попасть по мячу?

– Да.

– Смотри на поле! – крикнул игрок, убегая с мячом между ног туда, за ворота, на футбольное поле.

Он стоял и ждал чего-то еще. Как будто разговор обязательно должен был продолжиться.

И он продолжился. Игрок крикнул уже с поля, когда поставил мяч на линию штрафной.

– Подавай мячи!

– Держи!

– Не добил!

– Точнее!

– Куда ты смотришь, парень? – крикнул игрок.

– А куда надо? – спросил Вова. – Вперед?

– Смотри на поле, друг.

– Зачем?

– Может быть, ты станешь футболистом.

– Это интересно? Нет, я понимаю, это очень интересно, но у меня нет мяча, чтобы тренироваться по-настоящему. Хотя, я может быть, и без мяча смогу стать футболистом. Как вы думаете?

– Думаю, это будет сложнее, – ответил футболист, прибежав за мячом, который так и не подал Владимир. – Честно говоря, я даже не знаю, как это возможно, – добавил игрок, и забрав мяч из-под ног Вовы, двинулся к полю, делая финты. Вправо, влево, накатывая мяч правой ногой на левую, подбрасывая его вверх, и направляя головой дальше, туда, где было зеленое футбольное поле.

Пацанов на него не пускали.

2

Владимир приходил на стадион каждый день, каждый день подавал настоящие, без шнуровки, мячи с ниппелем. К вечеру этого дня один мяч закатился так далеко, что попал в сеть кустов и деревьев у высокого забора. Но мяч был все-таки виден. Его могли найти.

Вова вытащил мяч из кустов, и покатил к воротам. Но через пять метров остановился и сел на него. Он долго, часа два, как ему показалось, сидел и смотрел на поле, где тренировались игроки футбольной сборной завода. Начинало уже темнеть, когда он встал и покатил мяч. Домой. На этой половине поля уже никого не было. А издали, решил парень, на него никто не обратит внимания. Мячей-то у них было штук двадцать. И не сосчитать!

Как сказал Владимир Набоков:

– Ценность вещи определяет ее воровство.

Украли – значит, это настоящая, ценная вещь. И действительно:

– С мячом можно играть в футбол, – сказал Вова, обводя последнюю елку перед дырой в заборе. Так-то он обыграл подряд три елки. Мяч вправо, движение телом влево, и бегом за мячом. Тут уже подбегает вторая елка. Владимир делает тоже самое. Мяч вправо, движение корпусом влево – очень убедительно влево – и быстро вправо за мячом. Третий, перед ним выбегает третий защитник. Слева он прикрыт еще двумя. Следовательно, центром не пройти. Он все равно повторяет тот же финт, рвется влево, в центр. Вроде бы: кто поверит? Там еще двое. Но полузащитник верит. Ведь Вова не сразу пошел в центр на прорыв, а сначала сделал движение вместе с мячом к белой борозке зеленого поля. Но это был финт, только обманное движение. А вот теперь, действительно:

– Вправо! – закричал Вова, и чуть не вылетел в дыру. Да, забор был близко, но он успел прокинуть мяч наружу, а сам руками оперся о крайние доски.

Как сказал ему Олег, парень, которого Владимир видел в первый день:

– Главное отдать точный пас.

– Три финта и пас? – уточнил Вова.

– Именно так.

– Так может показаться, что я ничего не делаю, – сказал Вова. – Только бегу по прямой вдоль белой полосы. И отдаю пас. Пас кому-то, кто забьет решающий гол. Может, мне вообще, бегать по гаревой дорожке?

– Ты... – что-то хотел сказать Олег, но Владимир перебил его:

– Извините, мне кажется, я пошутил.

– Ты, видимо, юморист, парень, и сам того не знаешь, – сказал Олег.

Удивительно, но в остальные дни Вова его не видел. И только уже в августе, перед самой школой на матче местной команды Марс, и областной Трактор, Олег вышел на поле за местную команду. Матч, естественно, проходил на центральном стадионе Марс. Попастъ туда без билета было невозможно. Забором служили сами трибуны. Они были очень высокими, как последний оплот Тамплиеров. Которая, впрочем, – высота имеется в виду, – не помогла им. Саладин ее взял. А теперь имеется в виду крепость. Взял ее и Владимир вместе с друзьями. А брать этот высокий Марс надо было не силой, а хитростью. Сил не хватит залезть на такую высоту. Да и вообще:

– Как?

И, не зная, что повторяет прием знаменитого Одиссея, Владимир предложил тете Клаве, которая в этот день проверяла билеты при входе на матч помыть пол в двух залах ДСШ.

– Именно в двух? – спросила тетя Клава.

– Разумеется, – сказал Саша, вместе с которым Вова подошел к контролерше

– Нельзя, ребята. – Это уже сказал дружинник с красной повязкой.

Тетя Клава только незаметно развела руки в стороны. Мол, на нет, у вас и суда не должно быть. Тетя Клава была соседкой Владимира. Жила в одном доме. Только за стеной. И когда Вова был еще маленьким, говорила, уходя доить корову:

– Смотрите, как я иду вниз, к корове, потом дою ее, и возвращаюсь назад с ведром полным молока.

– И чего? – спрашивал братик, который был младше его.

– И вам будет не страшно. – И они махали руками, пока тетя Клава шла к корове на поле. А это было метров триста. Далеко. Но все равно ее было видно. Потом она наливала им молока. Молока и рыбы всегда было навалом. Да и мясо воровали систематически. Как часто говорили родители:

– Выдали. – Такая форма распределения: в магазинах нет, а дома:

– Выдали. – А чтобы те, кто выдает, особо не затрудняли себя, брали сами.

Хлеб тоже деду выдавали. Но только по две буханки черного. Поэтому на всех не хватало, приходилось покупать.

3

– Вы действительно, помоеете пол? – спросила тетя Клава, когда вторая контролерша и дружинник смотрели в другую сторону.

– Да, – ответил Вова. – Но, если можно, лучше вечером, когда придем играть в настольный теннис.

– Сегодня вечером я не работаю.

– Тогда сейчас, – вздохнули ребята.

– Нет, сейчас не получится, – сказала тетя Клава, – везде много народу. Послезавтра придете?

– Да.

– Тогда проходите незаметно.

– Как?

А действительно, как? Соседняя контролерша уже повернулась в их сторону. И дружинник тоже.

Но они все-таки прошли. Саша запер комнату мальчиков футболистов, которые сегодня должны были подавать мячи из-за ворот и с гаражной дорожки. Как раз девушка из администрации их искала.

– Где эти поросята? – ласково спросила она, и дернула ручку двери раздевалки. Но ключ, который должен был торчать снаружи, уже лежал в кармане Саши. – Мальчик, ты не знаешь, куда подевалась детская футбольная команда?

– Их повели на медицинское обследование, – сказал Саша. – И, скорее всего, они немного задержатся. А я вот немного опоздал, и теперь жду, когда откроют дверь.

– Ты умеешь играть в футбол?

– Я?! Если кто и умеет, то это я. Вы знаете, в последнем матче с Энергией я забил три гола. Обвел за матч не меньше двадцати человек.

– А сколько пасов ты сделал? – улыбнулась девушка.

– Вас как звать? – спросил Саша.

– Маргарита. Маргарита Сергеевна, точнее. Итак, Саша, – прочитала она это имя на футболке мальчика, – отвечай, сколько пасов ты сделал в последнем матче. – И добавила: – Я имею в виду, точных?

– Пасы пусть дураки делают. Я забиваю. Я центрфорвард.

– Да? Ты не объяснишь мне, что это такое?

– А вы не знаете?

– Нет.

– Чем вы тогда здесь занимаетесь?

– Ищу дураков, которые могли бы подавать мячи в матче Марса и областного Трактора. Ты мог бы? Ну, пока все остальные ребята пройдут медицинское обследование?

– К сожалению, я не одет. Хотя в принципе мог бы. Я, знаете ли, часто попадаю в девятку.

– А в шестерку?

– Что в шестерку?

– Ну, по низу ты бить умеешь? Чтобы прямо в руки вратарю?

– Без сомнения. Но, повторяю, я пока без формы.

– Пока будешь подавать без формы. Иди за ближние ворота.

– А вы уже знаете, что в них будет стоять наш вратарь?

– Нет, но подавать мяч гостям не менее важно. Думаю, даже более.

– Знаете, что? Я, пожалуй, соглашусь. Только одно условие. У меня там друг стоит у входа, тоже футболист. Вы, Маргарита Сергеевна, не могли бы и его попросить пройти на стадион.

– Он когда-нибудь мяч видел?

– Да, конечно, он даже украл один мяч.

– Чтобы рассмотреть по лучше?

– Да. Но главным образом для того, чтобы играть в футбол.

Маргарита пошла к входу и попросила Владимира пройти на поле.

– Вы Владимир?

– Да.

– Пройдите на поле.

– На поле?

– Он будет играть в футбол? – удивленно спросил дружинник.

– Он может, – сказала тетя Клава.

– Он слишком маленький, – сказала вторая контролерша.

– Ну, малыш, давай, проходи, – сказала Маргарита.

– Маргарита Сергеевна, у него нет билета, – сказала вторая контролерша.

– Для футболистов Детской Спортивной Школы вход свободный, – ответила девушка.

– Футболисты ходят через другой вход, – холодно ответила контролерша.

– Я сказала, пусть проходит. Он будет подавать мячи нашим гостям.

– А! Ну, если гостям, если Трактору, пусть проходит, – наконец, вставил свое слово дружинник. – Хотя я сомневаюсь, что он может попасть в руки вратарю с первого раза.

– Руками бросать будет, – подмигнула Владимиру тетя Клава. И добавила, как напроносила: – Он будет вратарем. – Ох, зачем, зачем она эта сказала? Многие люди говорят что-нибудь просто так, и не думают, что слова – это почти дела. Думают, что они не сбудутся. Однако, уже в следующем матче за сборную класса, его поставили вратарем. Просто больше было некого. Остальные вообще мышей не ловили. А потом и за сборную школы. А Сашу приняли в этот же день в ДСШ, играть за сборную города. Владимир нет. Почему? Во-первых, народу тут и так хватало, а вторых, – я не сказала еще, но после матча на первенство области между Марсом и Трактором, играли в футбол дети. Так между собой, когда еще не прошло вдохновение после только что состоявшегося матча. И... Владимир уже в этот раз попросили постоять на воротах. У той-то, основной команды ДСШ вратарь был, а у запасной нет. Он и у запасной был, но в этот день не вышел. Оказывается, уехал с мамой к морю.

– А я за него стой тут, как пенек, – повторял Вова, прогуливаясь между штангами. Ему забили четыре мяча.

– Не переживай, – сказал ему после игры Саша, – могли бы забить шесть, или, даже восемь. Ты хорошо стоял. И тут же сообщил, что тренер предложил ему ходить в эту центральную секцию ДСШ. Так-то они хотели вместе записаться в секцию на Авангарде, где Вове достался попавший в кусты мяч. Но там никак не могли раскататься. Все обещали открыть, но так и не открыли. Оставалось только играть самостоятельно. На большое поле игроков надо много – не соберешь. Поэтому играли на зеленой лужайке, такой же, как хоккейная коробочка. Впрочем, тогда еще коробочки не было, и играли просто на лужайке недалеко от домов. На большое зеленое поле не пускали, а на запасном было слишком много песка. Почти, как на пляже Омаха, только серого. Как и сам футбол, который показывали на нем заводские команды. Это были цеховые команды, в которые набирали всех желающих. Как сказал капитан одной из таких команд:

- Лишь бы умели бить по ногам.
- А по мячу? – как-то спросил его один очкарик.
- Так, мил человек, по мячу-то еще попасть надо!

4

А этом матче между Марсом и Трактором вышло так, что Владимир подавал мячи с одной стороны, а именно со стороны местной команды, а Саша с другой. При начале матча больше никого не было. Ключ от раздевалки, где он запер всех игроков ДСШ в красивой комбинированной форме, Саша забыл отдать Маргарите, а запасной, как назло унес домой сторож ночной смены. Вот, зачем он это сделал, никто не мог понять. Так и сидели они в этой раздевалке половину первого тайма. Пока Саша не вспомнил про ключ. Но сам он не пошел в здание, а попросил передать ключ Маргарите Сергеевне Владимира.

– Тебе ближе, – сказал Саша. – А я побегу опять к тем воротам.

Действительно, ему было намного ближе. Метров пятьдесят по прямой. А Саше пришлось бы бежать еще стометровку по гаревой дорожке. Оттуда, а потом туда. В общем, всё логично.

– Откуда у тебя ключ? – сразу спросила Маргарита. Вова хотел сам открыть дверь, и выпустить на свободу сборную Марса, но девушка уже стояла за его спиной.

– Так, это...

– Что именно? – уставилась на него, как на свалившегося с неба инопланетянина Маргарита Сергеевна. – Где ты взял ключ?

– Фантастика! – сказал Вова. – Ну, не с неба же он упал, как вы думаете? Дали.

– Кто?

– Не скажу.

– Скажи, мальчик, нам надо знать, кто сорвал мероприятие по обслуживанию матча мячами?

– Я не знаю. Дятел какой-то.

– Дя-те-л? Ты именно так сказал, малыш? Дяте-л-л?

– Не совсем. Я сказал, что дал дядя, которого я не знаю. – И убежал, крикнув: – Побегу, а то займут мое место за воротами. Пошлите их на гаревую дорожку. Пусть бросают аут. Вы знаете, что такое аут? Это те, кто не попадает на поле, а бродит около него. Как Призрак замка Тамплиеров.

Маргарита Сергеевна хотела все-таки прояснить ситуацию по точнее, но после Призрака Тамплиера, решила: не выйдет.

Скорее всего, она тоже приложила руку, а точнее, свой голос, чтобы его не взяли в главную команду города, решил Вова. Но с другой стороны, его игру никто и не видел.

Зато он видел игру Олега. Он вышел во втором тайме за команду Марс. Теперь вратарь местной команды Марс должен был располагаться на дальней стороне. Но и Вова перебежал туда. Его попросил Саша:

– Я хочу посмотреть на работу профессионала, – сказал он. – Этот вратарь может достать мяч из девятки. Честно. Его звать Хомич.

– А из шестерки?

– Чего из шестерки? – не понял Саша.

– Из шестерки он достанет? – Вова показал на нижний угол ворот.

– Из шестерки, я думаю, достать проще, – сказал Саша. – Но только в шестерку никто не бьет.

– Почему?

– Слишком много препятствий для мяча. Кочки, ноги своих и чужих футболистов, – сказал Саша. – Надо бить верхом. Я могу попасть в девятку семь раз из десяти.

- Со штрафной? – спросил Владимир.
- С одиннадцатиметровой отметки.
- С пенальти?

- Это одно и то же.
- Я бы с пенальти не стал бить в девятку.
- Почему?

– Слишком рискованно. Я бы, пожалуй, не стал, если бы мог пробить в девятку даже сто из ста.

- Думаю, тебе лучше играть в защите.
- Это оскорбление?
- Да.
- Да? Выясним вечером на Лужайке.
- Один на один.
- До сколько?
- До десяти голов.
- Я согласен. И да, ты знаешь, что Хомич – это Тигр по-японски?
- Настоящий?
- Без сомнения.
- А теперь тебе надо бежать к воротам, – сказал Саша. – Команды уже бегут на поле.

Сначала Вова думал, что зря уступил свое место у ближних ворот. Он узнал Олега, а игрок Марса находился на другой половине поля. Оказалось, что команды не поменялись местами. Некоторые сначала подумали:

– Из-за солнца, – и начали возмущаться. Но скоро поняли: – Нет, не из-за этого, потому что солнце уже было как раз в том месте, что больше било в глаза Трактору, чем Марсу. Дело было в другом. Областная команда предъявила претензии к местному полю, что, мол, у ближних ворот кто-то вытоптал всю траву во вратарской площадке.

– А наш вратарь скоро будет играть в классе А. И не хочет больше позориться. Вдруг его сфотографируют у ворот, где даже трава не растет. Это может повредить его авторитету. – Ну, и решили, особенно не заморачиваться, меняться воротами во втором тайме не стали. Так бывает? Как видите, бывает даже так.

– Я его даже не вижу. Где он там затерялся? Какой у него номер? – спросил Владимир у вратаря.

- У кого? – спросил Дима, вратарь, с которым он сразу познакомился. Вова сказал:
- Мне нужно твое имя, чтобы точно подавать мячи.
- А мне твое знать не обязательно, – сказал вратарь Трактора.
- Почему?
- Я тебе забивать не собираюсь, – засмеялся Дима.

– Зато я тебе, когда-нибудь забью. Хотя я в курсе: ты Хомич. Мой напарник хотел еще полюбоваться твоей игрой, изучить ее. Но вот теперь он перешел на ту сторону, а ты, наоборот, оказался тут, со мной.

– Ничего, пусть изучает игру нападающих. Теперь они будут там, покажут, как надо забивать. Кстати, как он мог изучить мою игру, если ваши не бьют по воротам? Скорее всего, он просто надул тебя, малыш. Здесь ты футбола не увидишь. Но не переживай, я его тоже обманул. Мое имя не Хомич. Пока что еще.

- Ну, и шутки у вас!

– А в чем дело? Я играю не хуже. Только меня еще мало кто знает. Впрочем, может, я и Хомич.

– Но не Тигр?

– Нет.

– А Хомич – это Тигр по-японски.

– Ты знаешь японский?

– Может быть, немного знаю.

– Что такое суки яки, знаешь?

– Таких слов не бывает.

– Вот и видно, малыш, что никаких Тигров ты не знаешь.

– А ты?

– Хорошо, считай, что я Тигр – Хомич.

– Вы только что сказали, что нет?

– Я пошутил.

– В какой раз? В первый или во второй?

– Если бы ты увидел мою игру, сам бы понял, в какой. Так, чей номер ты хотел узнать?

– Да, там у них вышел один игрок. Я его знаю.

– Я не знаю, кого ты там увидел. Но думаю, это не Пе, не Гарринча, и не Эйсебио. И знаешь, мой юный друг, другие нападающие меня не интересуют.

– Почему?

– Они мне никогда не забьют.

Прошло уже пятнадцать минут второго тайма, а мяч только один раз докатился до вратаря Трактора Димы. Он даже не стал брать его в руки, а подкинул ногой, внимательно проследил, как мяч опускается вниз, и слету точно направил правому крайнему. Счет и так уже был два – ноль, а здесь, местный, точнее, не местный, а как раз областной Гарринча прошел по краю до самого углового флажка, и подал закрученный мяч. Подал, казалось бы, в никуда, а именно на голову защитнику Марса. Но когда мяч пролетел уже больше половины пути, из-за спины этого защитника выбежал, точнее, даже не выбежал, а просто вышел центральный нападающий, сделал два шага вперед и так высоко прыгнул, что мяч, который должен был однозначно пролететь выше, коснулся его головы, и улетел в ворота. Вратарь даже не пошевелился. Он только покачал головой, что, мол, это был очень хороший удар. Скорее всего, даже вратарь подумал:

– Как это центрфорвард мог долететь до такого высокого мяча? – Это был Фёдор Покровский, которому пророчили скорый переход из областной команды класса Б, в какую-нибудь команду класса А.

– Может быть, даже в московскую, – сказал один знаток футбола.

– Когда тебе забьют? – спросил Вова у Димы, тяжело вздохнув по поводу третьего мяча, забитого в ворота Марса. И тут же добавил: – Извини, я забыл, что в эти ворота никто не бьет. Мне даже за мячами бегать не надо. Хоть бы мимо били.

– Ты прав, парень, – сказал Дима, – даже немного скучно. А так хочется попрыгать, половить мячи. Я скоро забуду, как выглядит футбольный мяч. Ты согласен?

– Да, – ответил Вова. Но в это время тренер решил перевести семнадцатого номера из защиты в нападение. Вроде бы:

– Как это? – То был защитником, а потом стал нападающим. Разве так бывает?

– Только в детском футболе, когда одна дворовая команда играет с другой дворовой командой. – Но такие фразы применяют только в кино. Ибо здесь не Санкт-Петербург, и тем

более, не Ленинград – дворов не бывает. Почему? Потому что нет. А если есть, то такие маленькие, что в них затруднительно играть не только в футбол, но и в чижик. У всех же раньше были коттеджи. Пусть с дровяным отоплением, но зато с маленьким двориком, сараем и садом. Но и футбольную команду надо набирать со всего поселка. И то с трудом. А уж, как набрать ее со двора – уму не постижимо. Может и можно, но только не из одиннадцати игроков для игры на большом зеленом поле, а так, трое на трое, или пять на пять.

– Он идет к нам, – сказал Вова, толкая Диму, который стоял, лениво опершись о штангу, и почти спал, натянув козырек фуражки почти на самые глаза.

– Кто, мальчик? – спросил Дима.

– В кожаном пальто. – Вова хотел повторить поговорку, которую недавно услышал. И которая распространялась по городам и весям с большой скоростью. Но сказал взволнованно:

– Олег.

– Какой Олег?

– Запасной, семнадцатый номер.

Дима поднял фуражку. Действительно, по правому краю шел игрок. И шел довольно быстро. Почти бежал. И не один, а с мячом. Вот он обошел троих и добрался до углового флажка. Подача-а-а!..

– Бац! – Мяч в воротах.

Дима только посмотрел назад, и удивленно открыл рот. Сухой Лист. Все о нем слышали, но думали, что забить мяч с угла таким ударом не получится. Во-первых, надо бить внешней стороной, чего обычно никто не делает. Передают мяч Щечкой, и бьют тоже. Пыром бьют только дети в детском саду, да еще Пе, больше ни у кого не получается. После удара подъемом мяч всегда уходит в сторону. А пыром тем более, летит, куда сам хочет. В общем, по-разному можно бить, но только не внешней стороной стопы.

– Она же ж никогда не тренированная, – как сказал один умный руководитель футбола. И добавил: – Можно сказать, немая от природы. Внешней стороной в футбол не играют. И он был прав. Почти. Нельзя, не надо, но иногда можно. И, как оказалось очень неожиданно. Ведь все финты основаны на неожиданности. Так-то их все знают. Знают, но попадаются опять и опять. И если не опять, то снова, и снова.

– Охереть можно! – только и сказал Дима. – Впервые в жизни вижу... Никогда не видел, чтобы Сухой Лист влетел мне в ворота. Да, кстати, и другим тоже. Только Гарринча умеет так забивать. А Владимир подумал:

– Мяч как будто упал с неба! – Казалось, он пролетит мимо, как это обычно делает Комета Галлея. Нет, на этот раз Земля затянула его в свою сеть. В сеть футбольных ворот.

– Гол! – судья показал на центр, и сам побежал туда же. Все ясно. Но не для всех даже в этой очевидной ситуации. Павел и Валентин сидели на центральной, самой высокой, с козырьком от дождя, трибуне, и один из них выражал сомнение:

– Какой гол? Мяч ушел. Нет, я тебе точно говорю, должен быть удар от ворот.

– Тебе только кажется, – ответил другой, Павел. – Это – отсюда, со стороны кажется, что ушел.

– А на самом деле? – спросил Валентин.

– Не успел.

– Я видел. Ушел.

– Я тебе говорю, что у тебя был ракурс не тот. Судья-то с флажком стоял рядом. Он бы уж точно увидел, если бы мяч пересек линию поля.

– Ты за кого болеешь? За наших или за ихних?
– Может быть, и за ихних. Наши-то все равно не дотянут до класса А.
– А они, думаешь, дотянут?
– Вполне возможно. Ихняя дочь на днях должна выйти замуж за столичного начальника.
– Чья дочь?
– Так дочь первого секретаря нашей области.
– Впервые слышу. Вот моя дочь точно живет в областном центре. Поэтому я более за Трактор.

– С тобой все ясно. Ты относишься предвзято.

– Прикажешь не верить собственным глазам?

Между тем, Олег уже опять повел мяч к воротам Трактора. Полузащитники не обратили на него особого внимания, но защитники уже выстроились один за другим, чтобы перекрыть Олегу путь к воротам.

– Почему он не делает передачу? – спросил Валентин. – Центровой, девятка свободен. Давай!

– Ты за кого болеешь? – спросил Павел. За нас или за них?

– Забыл! Правильно, иди сам! Он все равно не даст тебе обратную передачу. А так было бы хорошо сыграть в стенку! Давай!

Олег тоже думал, что центровой не будет играть с ним в стенку. Чтобы сразу два, в данном случае, вышедшие на перехват игрока остались за спиной нападающих. Внешней стороной бутсы он направил мяч вправо. Потом сделал движение влево, как будто передумал и решил сам идти через центр, и быстро – пока только одними ногами – опять направо. И ушел вправо почти под руку защитника. Теперь уже и два защитника с другой стороны поля двинулись поближе к воротам. Они практически перекрыли путь нападающему с правой стороны.

Олег поднял голову и сделал пас центральному форварду. И тот сразу отдал пас Олегу вперед, за спину защитнику.

– Сыграл в стенку, – сказал Паша.

– Да, не пожадничал, – сказал Валя. – Но с другой стороны, он бы и не прошел еще двух защитников, прибежавших с другого края.

– Запутался бы среди них.

– А этот, семнадцатый, думаешь, не запутается?

Олег получил мяч от девятого номера, сделал шаг и остановился. Куда?

– Постой, подумай! – тут же крикнули с противоположной трибуны. Она была пониже центральной с навесом от дождя, но тоже полной народу. И он подумал.

– Мать твою, – сказал Павел, – опять пошел вправо. Ты куда, милай! Ворота в другой стороне, слева!

– Нет, ну правильно, зачем лезть на рожон, – сказал Валентин, – всех не обведешь. Тем более, сейчас многие начали делать новый прием: подкат. Подкатят под ноги – привет: куда мяч, куда нападающий.

– Да, – поддержал Валентина Павел, – мяч в аут, а форвард на носилки. Зачем такие приемы разрешили, не понимаю. А ты?

– Само собой. Не игра скоро будет, а регби с мордобитием. Раз в зубы, и заказывай железные зубы.

– А может, золотые?

– Надо выиграть чемпионат мира, чтобы вставить золотые, – сказал Валентин. – Здесь не выдадут.

Олег опять ушел в угол, почти к самому флажку.

– Сейчас опять будет сухой лист, – сказал Владимир вратарю Диме, – готовься. И Дима приготовился:

– Встань на ближнюю штангу, – сказал он защитнику. Сам отошел подальше, вплотную к дальней штанге, чтобы в случае чего вытащить мяч, который будет не только уходить по дуге в ворота, но и будет навесным.

– Сейчас пойдет прямо в дальнюю девятку, сверху, – сказал Вова. – Не вытащишь.

– Отойди на пять шагов от ворот, пацан. А то самого заброшу на березу! – рявкнул Дима.

Олег опять остановился и посмотрел на толпу у ворот

Глава вторая

1

Кто-то подбежал к заборчику, отделявшему гаревую дорожку от трибун, и бросил прямо на поле пачку Примы.

– Покури! – закричали с обеих трибун. Прибежал дружинник и крикнул:

– Не бросать на поле пачки сигарет!

– И действительно, – добавил кто-то, – это спорт, а не бильярд какой-то, и не шашки с шахматами. Не домино, в конце концов. Курить, видите ли, они бросают. – Было очевидно, что пачки сигарет здесь редко бросают на поле. Может, даже вообще в первый раз. Многие даже не поняли, что это шутка. Считали, что кто-то на самом деле бросил игроку на поле сигареты, чтобы покурить и перестал нервничать. Фантастика.

Олег произнес одно из двух запрещенных в футболе слов:

– Прицелиться. – Но он был не в прямом эфире, как Николай Озеров, подумал Олег. И выстрелил. Выстрелил этим вторым запрещенным после Пражской Весны словом.

Немцы в войну так запускали ракеты Фау Один и Фау Два по Лондону. Мяч выходит на высоту, движется прямо, потом прицельно спускается. Как смерть с небес.

Это было недавно. А теперь мы используем достижения науки и инженерной техники в подаче мячей на ворота. Мяч шел прямо на голову центральному Сереге.

Олег знал, что Серега на каждой тренировке отрабатывает удар по мячу через себя. Сначала идет вперед правая нога, потом резко левая, и... вот он, мяч. Надо бить по нему правой ногой.

– Не реально, – сказал тогда, на тренировке Олег.

– Чё? – спросил Серега.

– Это почти акробатическая, цирковая комбинация, – сказал Олег. – Если и попадешь, то один раз из тысячи.

– Так я и хочу попасть только один раз из тысячи, – сказал Серега. И добавил: – А ты тоже в футбол с нами играть будешь?

– Буду.

– Я бы тебя не взял, – сказал Серега. – Ты ведь, как я слышал, только с Зоны вернулся? Там лес валят.

– Тоже слышал? – спросил Олег. – Или в кино видел?

– В кино, в кино. Но уж точно в футбол не играют. Так что не суйся со своими советами.

И Серега продолжил отрабатывать этот удар через голову в падении, с предварительным подъемом вверх к мячу с помощью двух движений ногами. Как каратист. Если бы тогда было разрешено каратэ. Но, к сожалению, и в самбо тогда принимали только с шестнадцати лет, когда большинство народу уже начинали пить водку и красное.

– Пусть попробует свой удар в игре, – сказал Олег. Самому себе. И девятый номер Серега это понял. Бить головой с десяти метров бесполезно. Вратарь все равно поймает мяч. У него же именно для этого случая есть:

– Реакция! – И Серега повернулся спиной к воротам, чем привел в недоумение защитников, уже приготовившихся спереди и сзади прыгнуть вверх, чтобы перехватить мяч.

Серега сделал шаг назад, поднялся вверх на уровень головы, и сделал свои знаменитые – имеется в виду на тренировках – ножницы. Удар!

– Он не попадет? – сказала Таня – одна из девушек, сидящих на самом верху, под козырьком в ложе начальства. Вторую звали Галя, она была из областного центра, а училась в Москве.

– Почему? – спросила Галя негромко. – Я думаю, он попадет.

Удар, и мяч полетел в ворота. Многие на трибунах встали.

– Что делают! – Ахнул Валентин.

– Невероятный удар, – сказал Павел.

Дима понял, что мяч летит почти в девятку. Но чуть-чуть поздно. Он вытянулся в струнку, но только задел его пальцами, и, можно сказать, переправил в самую-самую девятку.

И вот он! В сетке. В сетке ворот Трактора. Счет стал три – два, в пользу Трактора.

Как сказал Павел:

– Пока еще.

– Осталось всего пятнадцать минут до конца матча, – сказал Валентин.

– О! милай! Да за двадцать минут знаешь, что можно сделать?

– Что?

– Забить еще два гола. В ваши ворота.

– В наши? – переспросил Валентин. И добавил: – Ну, хорошо, я буду болеть за Трактор. Теперь по-настоящему. Теперь этот долбанный Марс точно проиграет. Я так хочу! – крикнул Валентин. Так бы на него зашикали, но все были так взволнованы двумя неожиданными голами Марса, что посчитали такие непривычные высказывания, как:

– Я хочу, – нормой. Так-то обычно говорили:

– Да мало ли чего ты хочешь! – И иногда добавляли: – Обойдешься.

В данном случае не обошлось. Трактор забил гол. С пенальти.

– Что там произошло?

– Сбили ихнего форварда Швецова.

– А мне думается надо отправлять судью на мыло. Судью на мыло!

И многие повторили этот лозунг:

– Судью на мыло!

Тем не менее, мяч был забит, и судья показал на центр. Четыре – два, в пользу Трактора.

– Все еще пятнадцать минут осталось? – спросил Валя.

– Меньше, десять, – ответил Павел.

– Так много? Я думал меньше.

Павел только кашлянул. Но почти безнадежно. Разве забьешь за десять минут два гола? Нет.

– Ты расстроен? – Молчание. – Ну, что тебе забили уже два гола? – добавил Вова.

– Ну, вам-то четыре, – наконец мрачно ответил вратарь Трактора Дима. – И это, знаешь ли, намного больше.

– Тебе должно быть важно, не сколько забили, а сколько ты лично пропустил, – сказал Вова.

– Я утешаюсь тем, что больше не пропущу. Ты доволен, малыш?

– Почему-то мне кажется, что голы еще будут, – негромко сказал Владимир.

– Что ты там бурчишь, я не слышу? – Дима даже снял фуражку и рукой оттопырил свое ухо. – Ты видишь лужу в моих воротах? Нет? И знаешь почему?

– Почему?

– Здесь сухо! Очень сухо, малыш. Потому что голов здесь больше не будет.

– Смотри, – сказал Владимир, – он уже идет сюда.

Олег опять быстро продвигался по правому краю.

Теперь его уже ждали. Правые защитники переместились на левый край. Если считать со стороны Трактора. Олег шел по своему правому краю, но это с его стороны. Со стороны местного Марса. Таким образом, в ряд выстроились три огневые точки обороны. Сначала защитник и полузащитник вместе, потом еще защитник, и последние перед воротами два защитника высокого роста. Один знаменитый защитник Трактора Сатин. Он был не только высокого, метр девяносто, роста, но и плотного телосложения. Как говорили:

– Сто кило весит. – Этот Сатин сто кило, частенько бил нападающих по ногам. Его боялись. Он был центральным защитником, но сейчас с видом неприступного дзота, стоял в конце этой шеренги защитников и полузащитников, ожидая подхода Олега.

– Ты! – крикнул ему Вова из-за ворот, – если сломаешь ему ноги, кончишь свою жизнь на помойке.

Сатин повернул голову назад.

– Это кто сказал?

Молчание. Сатин опять уставился вперед, где Олег уже обошел двоих. И снова прямо по бровке. Вправо, влево, вправо.

– Он так убедительно показал в центр, – сказал полузащитник, что я поверил, хотя и знал:

– Этот семнадцатый будет уходить по краю.

– Я тоже, – сказал защитник.

Олег быстро прошел следующего защитника, и Сатина, который попытался его догнать, но Олег ушел право, опять к угловому флажку. Сатин подумал, что нападающий будет прорываться к воротам, как все. Он так сильно махнул ногой, что сам упал, чем вызвал дружный смех трибун.

Олег подал. И опять на голову Сереге. Центральный нападающий подпрыгнул, ударил, но мяч попал прямо в руки Диме. На этот раз вратарь занял в воротах нужное место. Именно то, куда полетел мяч.

– Здорово! – воскликнул сзади Вова. – Как ты угадал, куда он будет бить?

– Интуиция плюс талант, – сказал Дима после того, как рукой сильно бросил мяч Сатину.

– Он опять чуть не попал, – сказал Павел восхищенно.

– Да, красиво, – сказал Валентин, – но мимо.

А Галя спросила Таню:

– Ты его не знаешь?

– Кого? Центрального нападающего?

– Нет. То есть, да?

– Да, конечно. Мы учились в одной школе.

– Он порядочный?

– Скорее всего, – усмехнулась Таня. – Хочешь познакомиться? Пойдем сегодня в ресторан?

– Может быть, лучше в кафе?

– Здесь не бывает кафе.

– А у вас разве есть?

– Без сомненья. Ой! – прервала сама себя Галя, – мяч опять у него.

– Так это не он, – сказала Таня. – Это новенький, запасной, семнадцатый.

– Да?

– Да.

– Я так и подумала.

Дело в том, что Сатин захотел обойти нападающего. Олег не успел еще отойти назад, и Сатин, которому бросил мяч вратарь Дима, решил обыграть нового нападающего Марса. Показать ему свой коронный финт: между ног.

Олег по инерции продолжал отходить к своим воротам. Сатин качнулся вправо, потом влево. Обычно противник после этих финтов расставляет ноги достаточно широко. По крайней мере, мяч проходит между ними легко. Главное попасть в эти живые ворота. Но это только первое главное. Второе, успеть добежать до мяча первым. В теории это должно удаваться, так как противнику надо еще повернуться, прежде, чем бежать за мячом. А до этого понять, что произошло. Итого, получается, как минимум два с половиной главных пункта.

Олег хотя и не ожидал, что защитник будет обводить его, все же успел раньше Сатина к мячу. И... сразу же прокинул мяч между ног, летящего на него, как бык на матадора, огромного защитника Сатина.

И вышел один на один с Димой. Он сделал движение влево, и показал, что будет бить вправо, но тут же, прямо из-под рук вратаря откатил мяч правой ногой под левую. Удар щечкой и мяч в воротах. Четыре – три.

Все заплодировали, многие встали со своих мест.

– Меня удивляют только его какие-то неуклюжие движения, – сказал Валентин. – Нет плавности.

– Зато точные, – сказал Павел. И добавил: – И знаешь:

– Он видит поле.

– А другие что, не видят? – спросил Валя.

– Нет, – категорично ответил Паша. – Играют, как слепые котят.

– Мне кажется, я хочу с этим, – сказала Галя.

– Точно?

– Точно, кажется. Но я еще подумаю. Можно?

– Конечно, – ответила Таня. – Время еще есть, – и она засмеялась. Потом взглянула на папу, который сидел с другими членами парткома справа, и погрозил ей пальцем – заткнулась.

– Смеяться будем после победы, – сказал Первый Секретарь города. Который был отцом Тани.

Следующий гол Олег забил сразу после розыгрыша мяча в центре. Гости его потеряли, сделав неточную передачу на ход своему нападающему.

Олег пошел прямо по центру. Как Пе. Серега решил не спорить, и уступил свое место центрального нападающего. Пусть. Но семнадцатый неожиданно передал мяч ему.

– Что ж, получи! – и Серега сделал навес. И тут Олег продемонстрировал свой удар слету. Он просто прыгнул вверх, и встретил мяч не левой ногой, которая пошла бы навстречу мячу, а правой. И бил вдогонку. Можно сказать, не бил, а переправлял мяч в ворота. Не через себя переворачивался, а прыгал почти, как Брумелль в высоту. Только не спиной вперед, а боком. Но сначала казалось, что он идет вперед именно спиной. Валентин даже сказал:

– Ему бы в высоту прыгать, как Брумелль.

– Или в футбол играть, – сказал Павел. И добавил: – В классе А.

– За Спартак? – спросил кто-то из сидящих рядом мужиков.

– Да, – ответил Павел. И добавил: – А может и за Динамо.

– Спартак – Динамо, – сказал Валентин, – еще гол и тама.

Да-а. Четыре – четыре.

– Еще гол, и мы победим, – сказал Первый Секретарь, и покосился на представителя областной администрации. Тот молча сопел. Но потом все-таки сказал:

– Не хотелось бы.

– Так все, ничья, – Первый посмотрел на часы. – Осталась одна минута. – А то бы... – он засмеялся и посмотрел на дочь с подружкой, которой, похоже, было все равно, кто победит. Лишь бы голы забивали. Как она сказала:

– Это интересно. – И добавила: – Даже весело.

Вратарь Трактора Дима печально расхаживал в воротах.

– Это же надо, ничья. Никогда бы не подумал, что они так много нам набьют, – сказал он. – Но я ничего не мог сделать, – добавил он. – Это были не берушиеся мячи.

– Я с вами согласен, – сказал из-за ворот Владимир. – Но должен сообщить вам еще одно неприятное известие.

– Какое?

– Будет еще один гол.

– Ты кто? Предсказатель?

– Да.

– Давай поспорим на десять щелбанов с оттяжкой, что голов больше не будет. Время-то уже кончилось.

– Это ты мне десять. А я тебе?

– Что хочешь?

– Мяч.

– Мяч? Ты имеешь в виду футбольный? Где я тебе его возьму?

– Ну, не знаю. Попроси. Тебе дадут.

– За что?

– За то, что пропустил в одной игре пять голов.

– Угу. Ладно.

– Спасибо. А то у меня был один мяч, да спустил.

– Спускал, спускал и спустил совсем? – спросил Дима.

– Да.

– А ты знаешь почему?

– Нет.

– Сгнил. Был уже бракованный. У вас здесь все команды тренируются бракованными мячами. Мы их раньше выбрасывали, а теперь отправляем вам, сюда, в деревню.

– Это не деревня, а город.

– Да, ты прав, малыш, это город, но маленький город. Поэтому здесь нет хороших, не спускающих за ночь мячей. И значит, тебе действительно нужен мяч. Ты же футболист.

– Да.

– Да, – повторил Дима. – Вот только мяча у меня нет.

– Вы обещали, – пропел Вова печально.

– Чего обещал? Пропустить еще одну плюху? Да я бы и рад, только время закончилось, – пошутил вратарь, взглянув на противоударные часы.

– Противоударные?

– Само собой. Часы тоже тебе надо? Бери. Выиграешь спор – отдам и часы.

– Честно?

– Честно. Я никогда не вру.

– Ну, тогда готовься, – сказал Вова, – тебе назначили одиннадцатиметровый.

Оказалось, Сатин руками поймал мяч, который перебросил ему через голову семнадцатый. Не тем финтом, который редко получается, когда мяч правой накатывают на пятку левой, и перебрасывают через свою голову. А если по резке, то и через голову защитника. Нет, он остановился перед защитником, спокойно подкинул мяч вверх, и головой перебросил через Сатина. Но защитник так разозлился, что решил:

– Этому не бывать ни за что. – И извернувшись, упал назад, поймав мяч руками.

И, так как мяч был уже на линии штрафной, судья назначил пенальти.

Конечно, на трибунах начались споры:

– Был мяч на линии штрафной, или еще нет. – Но судья сказал, значит, сказал:

– Пенальти. – Он был очень разозлен беспрецедентным поведением защитника Сатина. Так как знал, еще с детства, что так поступают только блатные или голодные, как говорили. Вместо того, чтобы научиться отбирать мяч у нападающего, просто ловят его руками и все. Штрафной? Да, пожалуйста, я в это время спокойно отойду назад. А атака будет сорвана.

– Ну и вот, – сказал Паша, – доигрался хер на скрипке.

– Да-а, – только и сказал Валя. Но подумав, добавил: – Дубина Сатин. А с другой стороны:

– Наши же ж победят.

– Да? А какие все-таки ваши? – спросил Павел. – Поздно определяться. С тебя пиво.

– Мы не спорили.

– Давай поспорим.

– Что не забьет? Да, давай! Я говорю, так и останется четыре – четыре.

– Ладно. Считаю, будет пять – четыре в нашу пользу.

2

Начальники и Таня с Галей тоже решили поспорить.

– На что будем спорить? – спросил представитель из области.

– Вы хотели проверить строительство свинарника?

– Да.

– Давайте не будем этого делать.

– Ну, ладно, я согласен. А вы что ставите?

– Немецкие колбаски, жареные на открытом огне. И приготовленные у нас в городе.

– Сырые сардельки, что ли? Я их уже пробовал. Давай уж лучше по-старому, чинно и благородно: шашлыки из баранины и коньяк пятнадцатилетний. Есть?

– Есть. У нас все есть. Только баранины нет. Свинина скоро будет.

– Нэ будет.

– Почему?

– А ты думаешь, почему я согласился не проверять ваш свинарник?

– Почему?

– Потому что его нет.

Первый Секретарь потер переносицу.

– Нет, честно, будет. Запишешь, что строить начали?

– Сказал же: запишу. Если ваш нападающий забьет пенальти.

– Я предлагаю заменить баранину и еще не построенную свинину говядиной, – сказал Председатель Горисполкома.

– У вас уже есть мясное производство?

– Пока нет, но когда-нибудь будет, – ответил Председатель.

– Так вы предлагаете мне шашлыки из коровы, которая перестала доить?

– Так другого-то нет! – чуть не крикнул Третий секретарь.

– Серьезно?

– Нет, – сказал Первый. – Купили бычка.

– У частника? А разве мы не запретили этих частников? – Представитель строго взглянул на присутствующих.

– Дак недавно же ж разрешили по одной корове, – сказал Третий.

– А! – улыбнулся Представитель, – газеты читаете.

– Так была Инструкция по этом делу, – сказал Третий Секретарь по сельскому хозяйству.

– Номер не помните? – спросил Представитель.

– Извините, нет.

– А знаете почему? – Он сделал паузу. – Потому что ее не было. А вы, значит, уже во всю разводите анти...

– Антидюринг, – сказал Второй Секретарь, чтобы хоть что-нибудь сказать.

– Ху... – уже начал областной начальник, но передумал и объяснил: – Просто натуральный капитализм. А что такое у нас капитализм?

Народ безмолвствовал.

– Капитализм – это, – начал Третий Секретарь, – что на первое не помню, а на второе сказано: только без электрификации.

– Ну, вижу, вы подкованы неплохо, – сказал областной, и добавил: – Ни хера не знаете!

– А как надо, милай? – спросил Третий Секретарь по сельскому хозяйству.

- Капитализм – он и Африке капитализм, – вздохнул Представитель.
- Так это и есть новая инструкция?
- Теперь так будем говорить?
- Так, а разве в Африке капитализм? – Наперебой загалдели ребята.
- Я вам позже, за шашлыками из бычатины проведу политинформацию, – сказал Проверяющий. – И напомним:
- Указание плодить собственников с одной коровой было устное. Вы понимаете разницу? Устное – значит, особо разбегаться не надо. Пока еще точно ничего не решено. Можете – да, а может быть, будем и дальше отстаивать принципиальную линию на коллективное хозяйство. В общем, так и запишите, точнее, пока что запомните: да, но только как временная мера. Знаете, как делали иногда в войну?
- Напомните, пожалуйста, – хрипло сказал Первый.
- Иногда временно отступали, чтобы потом приняться за старое с новой силой.
- Извините, я не понял, что такое старое? – спросил сельскохозяйственник.
- Активный ты наш! Любознательнейший! – Областной нагнулся и хлопнул Третьего по плечу. – Это надо знать. Впрочем, я здесь за тем и нахожусь, чтобы разъяснить вам некоторые позиции прогрессивной идеологии. Как-то:
- Старое – это хорошо забытое новое! А что у нас нового?
- Что?
- Победа. Наступление на разгоряченный Хеллоуинами, Сочельниками, и другими Рождественскими праздниками развитой капитализм. Включая сюда непрерывную жарку барбекю. – Он вынул платок, вытер внезапно вспотевший лоб, и вымолвил: – Я был вынужден сказать правду. Извините.
- А на что поспорили девушки?
- На поцелуй?
- На поцелуй! Но и на семнадцатого номера, – добавила Таня. – Хотя он и так мой. Но, боюсь, как бы ты не передумала. Если забудет, то...
- То мой.
- То есть как?
- Ну, пусть будет так. Хорошо? – сказала Галя. – Не по существу, а просто мне так хочется. Можно? Ты не против?
- Не по существу? В том смысле, что просто так? Я согласна.
- Но бить пенальти вышел Серега. Он был штатным пенальтистом. Свисток – удар... И Дима, вратарь Трактора взял мяч. А летел он всего в полуметре от правой штанги, и на метр от земли.
- Владимир сказал Диме:
- Ты взял не берущийся мяч.
- Спасибо, что оценил, наконец.
- Стадион замер.
- Класс А.
- Не меньше, – начались разговоры на трибунах.
- Как только он взял этот мяч?
- Как его фамилия?
- Кого? Вратаря? Белобрысов?
- Сам ты белобрысый.
- Я да, но и он молодец.
- Его фамилия известная, – сказал Валя уверенно.

– Он что, твой зять? – спросил Паша.

– Не зять, но все равно фамилия его Бесфамильный. Дмитрий Бесфамильный.

– Всех расстреляли, что ли, в тридцать седьмом году?

– Ты говори, да не заговаривайся, – Валя посмотрел по сторонам. – А то сам получишь пятнадцать и пять по рогам. Хочешь?

– Напишешь на меня докладную записку? – спросил Павел. – Или нет, если я поставлю тебе пиво.

– Поставишь, само собой. Ничья.

И тут судья опять показал на одиннадцатиметровую отметку. И опять стадион замер от изумления. В чем дело? Оказалось, что кто-то из игроков Трактора раньше времени двинулся с места.

Никто не решался бить пенальти второй раз. Слишком велика ответственность. Тренер бегал по бровке, размахивал руками и что-то кричал.

Подошел капитан и сказал, что бить опять будет Серега.

– Я не буду. Честно, мандраж пошел.

– Тренер сказал. Бей.

– Не буду. Сам бей.

– Ладно, – сказал капитан и пошел к стоящему уже на белой отметине мячу. Он подошел вплотную, внимательно посмотрел на мяч, потом на тренера у края поля, который продолжал изъясняться на непонятном языке, узорами рук. – Нэ буду, – капитан помотал головой. И добавил, глядя на тренера вдалеке: – Мне непонятны ваши надгробные узоры.

– А тренер – из-за шума трибун – писал рукой с вытянутым указательным пальцем номер игрока, который должен бить пенальти. Да, трибуны сначала молчали, а теперь шум стоял такой, что даже Паша не слышал Валю. Таня Галю, а Первый Секретарь Проверяющего из области. Хотя тот настойчиво повторял одно и то же чуть ли не на ухо Секретарю:

– Не забивать. Не забивать. Я вас трахну. Я вас трахну во все щели. Ваш траханный город не получит больше ни государственных, ни областных дотаций. Коров пасти будете. Нет, свиней, для которых вы до сих пор не построили свинарник. – И так далее, и тому подобное. – Дайте указание!

– Как? Как я его дам?! – расслышал последнее предупреждение Первый Секретарь.

– Послать гонца.

– Не послать ли нам гонца в магазин без продавца? – сказал Председатель исполкома, и так долго молчавший. – Проверяющий не понял, но погрозил пальцем. Мол, по лицу вижу, что готовите переворот в масштабах всей области. И еще раз постучал пальцем по крашеному в голубой цвет дереву трибуны.

– Бей ты, счастливчик, – сказал капитан, и даже протянул мяч Олегу. В уме. Так как мяч уже стоял, как известно, на месте.

Олег подошел к мячу, посмотрел на него внимательно и поправил рукой. Действительно, здесь у мяча, существовало какое-то отрицательное энергетическое поле. Шум трибун, тренер, все еще что-то желавший сказать узорами рук в воздухе, а казалось, ставит свою подпись на надгробной плите пенальтиста, игроки сзади, как будто гнали волны напряжения.

– Н-да, – Олег отошел подальше, шагов на десять, и посмотрел на трибуны. Ни одного знакомого лица. Он опять подошел к мячу, опять посмотрел на него, и, считая шаги пошел назад.

Шум стоял такой, что ничего нельзя было расслышать конкретно. Однако голос:

– Ты сделай пробежку метров на четыреста вокруг поля, – услышали почти все. Все, кроме проверяющего.

– Что он сказал? – спросил областной.

– Говорит, чтобы не торопился, – сказал Первый.

– Кто?

– Футболист.

– Я говорю, кто говорит? И почему так громко? Я его слышу.

– Так это местный Николай Озеров, комментатор.

– Комментатор, – рассмеялся Контролер. – Чего же ж он до сих пор молчал, как рыба?

– Наверное, как обычно, микрофон не работал. А может, забыл, засмотрелся на хороший футбол, и забыл, что... А что, собственно, он должен был говорить. У нас здесь всегда и так прямой эфир. Комментатор объявляет только начало и окончание матча.

– Да? Это очень правильно. Пусть люди сами думают, кто должен победить. Мы, или, – он поднял вверх руку, – они.

И Олег увидел эту поднятую руку. И недалеко лица двух прекрасных девушек.

– Он смотрит на нас, – сказала Галя. – Нет, точно.

– Он смотрит на меня, – сказала Таня.

– Не надо опережать события, – сказала Галя. – Мы же договорились, если забьет...

– Я помню.

Олег посмотрел на обе манящие взор девятки, и побежал. Собственно, о чем думать? Ведь мяч – это он сам. Он, свободная от притязаний Земли Комета Галлея. Полет... полет и прорвавшаяся к ушам зрителей раньше возгласа трибун, сакральная фраза комментатора:

– Гол-л-л! Гол, друзья мои. Гол – хуй – штанга!

Дима только в последний момент перед ударом понял:

– Мяч пойдет не в девятку, а в шестерку. – В нижний, а не в верхний угол. Он прыгнул и угадал сторону, куда полетит мяч. Вон он, уже близко, рукой подать в шершавой перчатке. Но мяч тоже, видимо, думал, и, увидев протянутый ему палец со знаменитой картины Микеланджело, нарисованной на потолке Сикстинской Капеллы, как ни странно испугался, и отодвинулся. Отодвинулся, мог поспорить Дима, к самой штанге.

– Не попал, – удивились все вслед за комментатором. У многих даже сердце защемило от такой неудачи новичка, забившего в этом матче уже три гола.

Но мяч, как многим показалось: подумал слегка, и закатился в ворота.

– Вот это удар, – сказал Владимир за воротами. – Не шесть, а все пять с половиной.

Судья показал на центр.

Тренер подошел к своему помощнику, и сказал, что не ошибся, доверив бить новичку.

– Это вы ему кричали, чтобы бил под верхнюю штангу прямо над головой вратаря?

– Нет, – признался тренер, – я бы не решился доверить новому игроку решающий пенальти. Если бы он не забил, меня бы распяли. Сам знаешь, каки у нас председатели. Чуть что – на кол. Кстати, как ты мог услышать то, чего я не говорил? Я рисовал ему картину боя жестами.

– Все просто.

– Че, уши с утра мыл с мылом?

– Нет, забыл.

– Почему?

– Я знал, что ничего нового вы не придумаете. Вы всегда так говорите:

– Бей прямо под штангу. – Действительно, кто поверит равномерному прямолинейному движению? Все же ж, чуть что, бросаются в разные стороны, как вороны при приближении кота, который бьет их лапой по голове.

Тем более, равномерное прямолинейное движение ничем не отличается от состояния покоя. А как можно, находясь в состоянии покоя, промазать? Ну, а если нет, то и цель всегда будет поражена.

Глава третья

1

- Королев!
- Капитан Королев, мать твою, где ты?
- Он там, проверяет рацию, – сказала девушка-лейтенант, снимая наушники.
- Королев!
- Вон он.
- Королев, че ты от меня прячешься?
- Я здесь.
- Бутерброды хаваешь?
- Рацию настраиваю.

– Ты думал, я тебя не найду под новой маскировочной сеткой? И да: дай мне тоже два. Один с красной рыбой, другой с сыром.

- С сыром уже нет. Если будешь, то только с американской тушенкой.
- Хорошо, один с тушенкой, другой с рыбой. Ты меня не узнаешь?
- Нет, товарищ майор. Вы из управления по поводу вылазки? – спросил капитан Королев.
- Не угадал. Вот честно, не угадал. Я еще говорят, что предсказатель.
- Ошибаются.
- Не думаю, что ошибаются. Скорее, преувеличивают. И знаешь почему? Я верю в предсказания. Не веришь? Нет, это честно. Даже иногда очен-но верю.
- Вы из Анэнербе, что ли?
- Почему из Анэнербе? Связного от немцев ждет-те? Нет, мой милый, я из нквд.
- А! Так я вас ждал еще час назад. И рад, что вижу.
- Дело в следующем. С вами, как вы говорите:
- На вылазку должна была идти группа нквд. Чисто для прикрытия.
- Чтобы не сбежали, что ли?
- Не только. На группу может быть совершено нападение с тыла. Есть данные, что против вас работают офицеры Анэнербе.
- Сказки, – ответил Борис, – чё им здесь надо?
- Думаю, ты прав, Боря, делать им здесь нечего. Мы, так сказать, не запускаем ракеты на Луну. Но, думаю, информация о твоём гранатомете до них дошла. И дошла в искаженном виде.
- Что это значит? Думают, что это магия, что ли?
- А нет? – спросил майор и взял еще один бутерброд с рыбой. – Кофе горячий?
- Что?
- Я говорю, кофе в термосе еще горячий?
- Разумеется.
- Китайский.
- Кто?
- Термос, балда! Кто, он спрашивает.
- А! Нет, конечно. Немецкий.
- Немецкий, – повторил майор нквд, наливая себе кофе. – Будешь?
- Да. Налей.

- Мы уже на ты?
- Прошу прощения. Как вам будет угодно. Мне по барабану.
- Нет, ты не обижайся. Я так. Мы же с тобой старые друзья. Не помнишь?

– В школе, что ли, вместе учились? – спросил Борис. – Нет, ты не обижайся... Мы на ты? – Майор кивнул. Его рот был занят вкусным бутербродом с красной рыбой и сладким горячим кофе. Нет, а на самом деле это очень вкусно, когда соленое и сладкое сочетаются.

- Дальше бери. Выше, я бы сказал.
- Простите, товарищ майор, но выше земли я не летаю. Не летчик.
- Я тебя спас.
- Спас?! – изумился Бо, как звали его некоторые. – Че-то я не помню, чтобы меня кто-то спасал. Разве, что отец в детстве спас из реки. Я наступил в яму, и не знал, как из нее выбраться. Яма на дне реки. Вроде:
- А в чем проблема?
- Действительно, – сказал майор, – поднялся вверх и все. Только, как говорится в Библии, самому это сделать невозможно. Нужен помощник. И я тебе помог.
- Но когда?! я не помню.
- Ты в институте учился когда-нибудь?
- А-а-а!

– Б-б-б! Теперь вспомнил? Я был начальником оперотряда в том общежитии, где ты занимался блядством. Помнишь, как трахнул дочку академика Белинского, а я тебя поймал. Веселая была история. Но, благодаря мне ты остался в институте.

– Как ты мог мне помочь, если ты меня и поймал? – я не, че-то не понимаю. Тем более, я ее не трахал. Хотел, пока друг бегал за бутылкой венгерского вина, но не решился. Признаюсь, она была без трусов, когда я с ней танцевал.

- Откуда ты знаешь, что она уже была без трусов?
- Просто чувствовал руками во время танца. Да и потом, на следующий день она сама сказала, что как раз постирала трусы. Ну, прежде, чем идти в нашу комнату.
- Ну, это только слова, которые теперь уже нельзя проверить. Может, сама сняла, а возможно, и ты с нее снял. Точно так же можно сказать и про твое:
- Не успел.
- Я сказал: постеснялся.
- Ты сказал: не успел.
- Я сказал, что не решился.
- Да не мельтеши ты. Это одно и то же. И получается, что ты мог бы надолго уехать в Магадан за групповуху в общественном месте, а выгнали только твоего сокурсника.

– Его не выгнали. Он оправдался.

– Дочка академика сказала, что ничего не было. Просто она напилась, обоссалась, и случайно вызвала оперотряд, – улыбнулся майор Таганский. Как он сам себя иногда называл. По псевдониму.

– Она его не вызывала. Это ты все рыскал по общежитию, искал ее. Наверное, мечтал жениться? Эх, была бы у меня жена академик! – воскликнул Королев. И добавил: – Я имею в виду, ты так думал. Но одной вещи ты не знал.

- Какой?
- Дочь академика падает далеко от академика.
- Это как раз ты ошибаешься, мил человек. Дочь академика всегда будет дочерью академика. Понимаешь? И для этого ей не надо становиться самой академиком. Я бы мог им стать.

А ты мне помешал. Теперь ты понимаешь всю драматургию наших отношений? Теперь ты меня узнал?

– Нет. Честно, нет, ты очень изменился. Наверное, расстреливаешь часто? Впрочем, приятно познакомиться.

– Приятно, конечно. Куда тебе деваться? И... собирайся, значит, поедem выяснять отношения.

– Стреляться, что ли?

– Дуэли у нас запрещены. А то бы я согласился. Нет, честно, я бы убил тебя, несмотря на риск, что ты попадешь в меня первым. Но я не буду этого делать именно потому, что, как Вотрен у Бальзака, не хочу играть судьбой. Как говорится:

– Лучше буду майором.

– Ты уже майор.

– Да? Я просто оговорился. Генерал-майором. Как минимум.

Они сели в виллис и поехали.

– Я должен был возглавить группу из восьми человек, которая бы сопровождала вас. Я уже это говорил? Ну, не важно, повторю. Нас было бы семнадцать человек, как в Ноевом Ковчеге.

– Ты читаешь Библию?

– А ты?

– Где я ее возьму? – пожал плечами капитан Королев. – А ты, значит, читаешь?

– Нам разрешают. Правда, раз в месяц.

– Чтобы не попали под влияние?

– Согласен. Так вот вы пойдете без нашего прикрытия. Поэтому. Поэтому я буду проситься, чтобы меня взяли в вашу девятку.

– Десятым, что ли?

– Пусть я буду десятым.

– Десятый лишний, его обязательно убьют.

– Без меня вас возьмут в плен вместе с секретным оружием.

– А так? Всех застрелишь, а потом себя? Стрекоза все равно достанется немцам. Что ты сможешь сделать?

– Взорву.

– Умник. Мы и без тебя это сделаем.

– Сделаете, если не будете атакованы специально за вами посланной немецкой группой из Анэнербе.

– Я никак не пойму, ты-то чем сможешь нам помочь? Только написать потом, как плохо мы сражались, что убежали, оставив секретный противотанковый пулемет немцам.

– Я буду обеспечивать секретность операции.

– Херации. Я тебя не возьму.

– Возьмешь. Более того, сам попросишь товарища Первого, что я вам нужен.

– У Цицерона не хватит аргументов для обоснования твоего появления в секретной группе.

– Хорошо, вот тебе первый аргумент. Показания этой Зены...

– Зины.

– Точно, Зины, не имели силы без моей подписи. Я мог бы написать, что это была не просто маленькая вечеринка с танцами, а групповой секс. Но я поступил честно.

– Честно?

– Да. Я видел ее трусы. В женской душевой на веревке. Я действительно искал ее по всему общежитию, и даже рядом с ним. Зашел в душ, а они там. Черные с узенькими красными полосками. Как импортные плавки. Просто так запомнил – красивые. Подумал:

– Чьи? – и не более того. – А потом, когда мне принесли на подпись, как начальнику оперотряда общежитий, ее заявление... точнее, она сама принесла, я спросил:

– Какого цвета?

– Что, какого цвета? – удивленно спросила Зина. – В этот день она была на высоких каблуках, и похожа на королеву. Горбатый нос, стройные длинные ноги, завязанные в хвост волосы, румяные щеки, длинные ресницы, черно-зеленые глаза, как у змеи – в общем, весь набор красоты.

– Не надо переспрашивать, – сказал я, – это простой вопрос. Какого цвета ваши трусы.

– В смысле, были в тот день? – спросила она.

– Тогда был уже вечер, – сказал я.

– Ах, вечер! Вечером у меня трусов не было. Я, кажется, там все написала, что уже сама была без трусов, так как постирала их.

– Без сомнения, это прекрасные, более того, очень важные для дознания подробности вашей интимной жизни, – сказал я. – Но меня интересует только конкретно цвет.

– Зачем?

– Это может подтвердить, или опровергнуть правдивость ваших показаний, коллега.

– Ну, хорошо, – сказала она, и описала именно тот черный атласный цвет с красными полосочками.

– Кто-нибудь может это подтвердить? – спросил я.

– Сестра вас устроит?

– Без сомнения. Но ее сейчас нет. Она на занятиях, – сказал я. Ее сестра училась уже на третьем курсе, а мы только что поступили, как вы помните, на первый.

– Тогда может быть вот так подойдет? – и она подняла платье.

– Без сомнения, это те самые, – сказал я, облегченно вздохнув.

– Почему вы так тяжело вздыхаете? – спросила Зина.

– Потому что не придется врать, дорогая девушка, чтобы выручить вас из беды.

– Вы на что намекаете? – спросила она.

– Нет, нет, – замахал я руками, – слишком опасно. Но на прощанье добавил, что женился бы на ней, если бы точно знал, что ничего не было. Но это так, в шутку, для себя. Она ничего не слышала.

Хотя, если говорить, совсем честно, я и сейчас не уверен, что вы не трахнули ее оба. Да, вот так. Ты даже не представляешь, Борис, сколько кругом вранья! Никому нельзя верить.

– Мне можно, – сказал капитан. – Можешь мне поверить: я тебя не возьму в мою группу.

– Я не буду...

– Будешь! Ты будешь стучать. А нам стукачи не нужны.

– Я не буду тебя упрашивать. Скажу только, что это еще не все. И если тебе не безразлична эта женщина, ты возьмешь меня.

– Какое мне до нее дело? Я тебе повторяю еще раз:

– Я с ней только танцевал. Всё!

– Всё – да не всё, – как говорят. Ты ее не трахал. Я тебе почти верю. Но не верю, что не хотел. Ты хотел, да побоялся, что не успеешь до прихода товарища по комнате, который ушел за румынским вином.

– За болгарским.

– Без разницы. В душе они все поляки. Мечтают завоевать Россию. И да, заговорился, и чуть не забыл. Ее отца, академика Берлинского...

– Белинского, – поправил Борис.

– А какая разница? Разночинец для нас ничем не лучше немца. Вот так-то, парень. И да:

– Его посадили.

– За что? За то, что передал секретную рукопись Пушкина немцам? Или японцам?

– Нет. То есть, да. Почти. Секретный манускрипт семнадцатого века, описывающий мистирию посвящения в масоны. Анэнербе искало его в Тибете, и не нашло. А Белинский им помог, и нашел его здесь. В академии, так сказать, наших наук.

– Думаю, это херня. Не было такого документа.

– Почему? Украли бы намного раньше?

– Можно и так сказать.

– Тем не менее, – майор тяжело вздохнул, – было принято решение, что документ был. А теперь его нет. А, следовательно, и она, как дочь врага народа, будет расстреляна без суда и следствия. То есть получит десять лет без права переписки. Ты этого хочешь?

– Почему так много?

– Мы считаем, что она могла принимать непосредственное участие в передаче рукописи за рубеж. И знаешь, почему? Она часто ходила на балы в югославское посольство. Кто ее только...

– Прекрати, я тебе не верю. При чем здесь югославское посольство? Они не немцы, и тем более не Анэнербе.

– А какая разница? Они все стремятся туда.

– Куда?

– Да хер их знает, куда. Но думаю, назад, в прошлое. Хотят быть князьями и графинями. А у нее, между прочим, на лбу написано, что она графиня. Очень была бы похожа на ту старуху, которую задушил Германн в Пиковой Даме. Но думаю, не доживет. Жаль. Так, что ты решил? Скажешь Первому, что я тебе очень-но нужен?

– Ладно, но она пойдет с нами.

– Пусть идет. Тем более, она уже обучилась на радистку. Хотела выйти на связь с Анэнербе, но мы успели предотвратить этот радиодиверсионный контакт.

– Сколько вы успели на нее навешать! Я даже удивляюсь. Честно говоря, я думал, вы ни хера не делаете. Так только рано встаете, да будите ни в чем не повинных людей.

– Две ошибки. Во-первых, мы и не ложимся. А кто не ложится, тому и вставать не надо. Во-вторых, виновные нам не нужны. Я хотел сказать, мы их не ловим, потому что, в конце концов, и сами попадутся. Весь смысл в том, чтобы брать невиновных. Это важное условие, необходимое в борьбе со шпионами и диверсантами.

– Почему?

– Виновные будут бояться. Будут находиться на свободе, а как бы уже в солнечном Магадане. Потому что страшно.

– Если считать тебя, да еще ее, нас будет уже одиннадцать, а это несчастливое число, – сказал Борис. – Вообще меня очень удивляет, почему все так рвутся в разведку? Нашли теплое местечко!

– Так, мил человек, чего тут удивительного, – сказал Эвенер, майор НКВД, никто не хочет идти просто так в штыковую атаку с палками. Тем более против танков. Так что, разведка, это действительно, теплое местечко. А разведка боем вообще хорошо. Можешь быть уверенным:

всех перебыют. И знаешь почему? Нас будет мало, а их много. Вот и все. Просто, как таблица умножения.

– Никакой разведки боем не будет. Это просто испытание секретного оружия в боевой обстановке, – сказал Борис.

– А какая разница? И да, ты можешь не беспокоиться, я буду только лейтенантом в этой операции. Сам понимаешь, не идти же мне на передовую в погонах майора НКВД. Какой-нибудь невинно осужденный еще шарахнет в спину из ППШ.

– А что, есть невинно осужденные? – спросил Борис.

– Ты чем слушал? – спросил Эвенир. – Я тебе русским языком сказал:

– Мы берем только невиновных, так как, – объяснил я тебе, – виновные сами от страха попадутся.

– Я думал, это магаданская шутка.

– Шутки в детском саду закончились, мил человек. При царе.

Они стучат себя в грудь, и пытаются доказать следователю, что невинны, аки агнцы небесные. И некоторые, особенно молодые, дознаватели, бывает, выходят из себя. Как будто следователь должен за него, правдолюбца и сукина сына, придумывать ему вину. Сам блядь думай, сам блядь думай! – и стучит, бывало, приговоренного головой об стол.

– Кто же ж всю эту херню придумал? – с сомнением спросил Борис.

– Сама жизнь, милоч, и придумала. Сама.

– Куда мы только катимся?

– Так никуда. Стоим, можно сказать, на месте. Находимся в состоянии абсолютного покоя и равномерного и прямолинейного движения. Как давно сказал Макиавелли:

– Разделяй всех невиновных на не виновных и виновных. А после этого властвуй. Так что ничего нового. Все это уже было, было, было.

2

- Товарищ Первый, – сказал Борис, когда его, наконец позвали на кухню.
- Не торопись, парень, сунуть тебя головой в горячий соус я еще успею. Честно, я могу, можешь не сомневаться.
- Да я и не сомневаюсь. Только это:
- Почему на кухне, а не в приемном покое вы меня встречаете?
- Не привык на кухне-то? А, между прочим, так делает вся мафия. А они живут не хуже нашего. Так что привыкай. Здесь я принимаю самых лучших людей. Героев. А ты герой, так как... – Первый помешал ложной соус, попробовал его языком, потом на вкус. – Попробуй, как?
- Вкусный, – сказал Борис, облизав ложку, которую держал Первый.
- Возьми эту ложку себе, а мне принеси другую. Кстати, ты знаешь, что находишься на Малой Даче?
- Я думал, это Ближняя.
- Это одно и то же. Так просто, разные дураки называют по-разному. Говорят, для конспирации. Я не понимаю:
- Кто? кого, мне, мать вашу, бояться, а?
- Конечно. В том смысле, что наоборот, вас все должны бояться.
- Неплохо замечено. Знаешь, что? Говори мне ты. Можешь?
- Ладно, буду. И кстати, товарищ Первый, выпить-то у нас есть что-нибудь? Что-нибудь хорошее?
- Разумеется, друг мой. Киндзмараули, Хванчкара! Чего будешь? Ну, говори!
- Щас. Ни по эту, ни то ту, – Борис задумался, – а по эту слепоту. Считаю, товарищ Первый, хочу взять втемную, чисто наудачу. Так-то я в этих винах не разбираюсь. Все больше спирт да водка. А вино только по праздникам только на Ближней, а может, когда случится, и на Дальней вашей даче.
- А ты знаешь, где моя Дальняя Дача? В Магадане.
- Это шутка?
- Нет. Так, что, Боря, и не просись туда, не надо. Там в футбол не поиграешь. Ну, давай, чего ты там налил, Киндзмараули? Давай, Киндзмараули, она полегче.
- Они выпили. Закусили пастой с мясом в томатном соусе.
- Они называют это мясо: бефстроганов.
- Да херня, это наше русское мясо.
- Нет, я сам люблю его так называть по-французски:
- Бефстроганов. – Но только по вторникам и четвергам. Это дни Франции в моей жизни. Ведь живешь, как крот в норе. Надо преподносить самому себе разные города и страны.
- Францию, Англию, Америку, – сказал Борис, добавляя себе мяса с соусом. – Знаете ли, одна эта итальянская паста не лезет.
- Хорошо бы, конечно, взять и Францию, и Англию, да и Америку тоже. Но пока ограничимся Польшей, Болгарией, Венгрией. С Югославией и Прибалтикой в придачу. Но это позже. Сейчас меня интересуют только один город. Можно даже сказать, не город, а чисто деревня. Надо ее удержать. Сможешь?
- Дак, наверно.
- Стрекоза стрекочет?
- Как швейцарские часы. Тик-так, тик-так, тик-так, так, так, так. – Борис засмеялся.

– Че, так и стреляет?

– Нет, товарищ Первый, это чисто шифр. Код включения механизма стрельбы.

– Да?! Ну-ка, повтори еще раз. Может, я запомню.

– Конечно. Но только с условием. Никому не скажете?

– Я?! Да ты что, Боря, клянусь, – Первый осмотрелся по сторонам, – никому. Здесь вообще никому нельзя доверять. Так бы всех и перестрелял. Но нельзя.

– Почему?

– Ох, Боря, есть причина.

– Какая?

– Так ведь всех-то не перестреляешь. А так заколебали, не можешь себе представить. Так и шныряют тут, так и шныряют. Ты вообще в курсе, сколько царей в России передушили, отравили, и просто так зарезали.

– Много?

– И не сосчитать! И да: я тебе сказал, куда ты поедешь?

– На деревню к дедушке, – сказал Борис, и рассмеялся.

– Действительно, смешно, – сказал Первый, и тоже расхохотался. К чертовой бабушке, – добавил он, и расхохотался еще сильнее.

– К этой, как ее, – сказал Борис, согнувшись от смеха в три погибели, к японке матери! Думаю, товарищ Первый, это будет для меня чисто экскурсией на Багамы. Так отдохну с ружьем. Абарая! Бродяга я!

Я в скрипучих ботинках!

Разрисован, как спецназ!

И стреляю на заказ

– И вместе:

Гранатомет мой небольшой,

Но с бессмертной душой!

(Оригинал текста: фильм Господин 420 в исполнении Раджа Капура – здесь и других местах романа)

– Кто, прости, с бессмертной душой? Гранатомет?

– Балда! Я – с бессмертной душой.

Я лечу на Стрекозе,

Вижу Хи в большой... Пуси Райт!

– А это кто?

– Я и сам не знаю. А и знал бы, не сказал.

– Смешно. Мне сказал бы. Сказал бы?

– Разумеется, товарищ Первый.

– Возьмешь с собой бефстроганов.

– А пасты?

– И пасты возьми. В один бидон положи. Вместе с соусом и мясом.

– Она не расплывется?

– Итальянская, из бамбука, не расплывается.

– Вина дадите?

– Нэт.

– Почему?

– Сказал нэт, значит нэт. Чтобы скучал, друг. Не по мне. По вину. Вернешься – если вернешься – вместе выпьем. Приедешь сразу на Дальнюю Дачу.

– Это шутка?

– Какая шутка? Правда.

– Вы сказали, что Дальняя Дача – это Магадан.

– Так в Магадан и вернешься. Нет, честно, оттуда и в Магадан хорошо вернуться. Сам увидишь.

– Ладно, ладно, вернешься, чем черт не шутит, приедешь прямо сюда. Я буду ждать. Так и скажешь охране:

Он ждал меня,
И будет рад видеть.

(Оригинал: Пушкин, Каменный Гость)

– Это пароль Каменного Гостя.

– Нет, вы серьезно?

– Да каки тут шутки. Ты хоть знаешь направление главного удара, капитан дальнего плаванья?

– Так, естественно. На танковый полигон. Ружье надо проверить в бою.

– Так-то оно так, да немножко изменилась обстановка.

– А что случилось?

– Пошли в прорыв немецкие батальоны. И не простые, а танковые. Ты должен отразить их атаку.

– Где?

– В Прохоровке. Ну, а иначе, как мы проверим, стреляет ли это ружье в четвертом акте, если в первом ты обещал нам победу?

– Так...

– Более того, твой отряд Стрекоза пойдет инкогнито.

– Вообще инкогнито, или только туда тайно, а оттуда явно, с победой. Ну, если мы победим-то, можно будет вернуться с победой?

– Не обязательно. Точнее, вообще нельзя. Будет дано две параллельных информации. Она официальная, другая будет распушена, как слух. Ты – это слух.

– Только неофициальный слух, – повторил Борис. – А если победа? Если мы победим?

– Вот это как раз и будет самым большим секретом. Нэ было.

– А что было?

– Был бой батареи Душина. Которая подобьет семь танков и геройски погибнет. Впрочем, одного оставь.

– Зачем?

– Чтобы распускал слухи. А с другой стороны:

– Нэт – так нэт! Найдем другого. Мало ли их!

– Кого?

– Дак, слухов, мил человек, слухов. По умам бродят только слухи. И не называй это дезинформацией, – Первый поднял палец. И знаешь почему? Дезинформацию надо делать, а...

- Простите, что перебиваю, товарищ Первый, но разрешите я добавлю:
- Слухи рождаются сами. Правильно?
- Хорошо сказано. Вот ты сам и родишь слух о победе, считающейся поражением.
- Да, забыл спросить, какие танки там будут? Пантеры?
- Тигры, мой друг, скорее всего, это будут Тигры.
- Именно те, настоящие Тигры, с пятиэтажный дом? Я вас правильно понял?

– Ну, ты скажешь, с пятиэтажный дом. В бараках жить привыкли, вот вам все, что выше барака, и кажется пятиэтажкой. Нэт, намного меньше.

– Значит, мы будем возвращаться без победы, – повторил Борис. – А куда возвращаться-то без победы. Ох, чувствую, пошлют меня туда, куда Макар телят не гонял!

– Я сказал тебе:

– Придешь, скажешь пароль. По-другому нельзя. Как говорится, иначе овчинка не будет стоить выделки. Они или выкрадут у нас Стрекозу, или спешно создадут сами. Мы же должны внушать всем до поры до времени:

– Нэт у нас ничего! Мы бедные. Какая Стрекоза? Какая Муха? – И так далее.

Кстати, ты всё взял, что я тебе подарил?

Глава четвертая

- О чем задумался, капитан?
- Вот думаю, как я ни старался, а все равно нас одиннадцать. Несчастливое число. Правильно, я говорю, Берлинская?
- Берлинская? Нет. Я – Белинская. Вы нарочно путаете?
- При фамилии Белинская – Белинский, мне сразу так и хочется сказать вам:
- Любите ли вы меня так, как вас люблю я!
- Это вопрос?
- Нет, нет, это беспрецедентное утверждение.
- Но я люблю другого, – сказала Зина.
- Кого?
- Старшего лейтенанта. – И девушка смело хлопнула по плечу Эвенира.

- Я так и знал, что ты полюбишь меня перед расстрелом.
- Нас расстреляют? – спросила девушка. – Это правда?
- Пугает. Мы не будем сдаваться, – сказал Борис.
- Не зря я ему не верила раньше. Говорил, болтал без умолку, что он мне только ни говорил, что только ни обещал, обманщик.
- Что он говорил? – поморщился Борис.
- Говорил, что очень-но хочет стать академиком. А для этого, говорит:
- Мне надо жениться на дочке академика. – Я ему вроде:
- А ты постарайся так, без дочки пробиться! Своими силами, своим умом. Как Ландау. Открой плоскость симметрии у позитрона. Че ты будешь со мной мучиться?
- Это правда. С тобой я мучаюсь, – сказал Эвенир.
- Хотел с помощью моего отца стать доктором наук, – сказала Зина.
- Да, – подтвердил Эвенир. – А потом и академиком.
- Своего-то ума нет ни хера, вот и лезет к моему телу, – сказала Зина, и добавила: – Вы взяли для меня папиросы Герцеговина Флор, товарищ Первый?
- У нас один товарищ Первый, – буркнул Эвенир Киселев.
- Нэт, – рявкнул Борис Королев. – Здесь я Первый.
- А я какой? – спросил Киселев.
- Да, второй, Кисель, успокойся, – сказала Зина, – я согласна быть третьей.
- Она согласна! Да, я должен быть Первым. Главный не тот, кто изобрел ружье, а тот, кто может сохранить секретность операции. Он не сможет в случае чего всех перестрелять! А надо будет это сделать, чтобы не попали в плен, и не разгласили цель нашей вылазки.
- Это будет и так ясно, если наша установка будет пробивать лобовую броню Тигров. Ты чего собрался скрывать? Херлок Холмс нашелся. И вообще, отойди от меня. Я люблю только Первого. Нет, честно, отвали, отвали. Ты здесь не начальник оперотряда, чтобы преследовать меня по всем углам.

- На самом деле, Второй, иди, замкни колонну.
- Какую колонну? Все здесь одиннадцать человек.
- И вообще, не понимаю, как тебя взяли? Я ведь не просил Первого, чтобы тебя зачислили в группу.
- А и не надо было. Я тебя немножко обманул. Ты вообще знаешь, почему просить ничего не надо?
- Потому что нам и так приготовлено все, что хочешь, – сказала Зина. – Я это чувствую.

– Это и не мудрено, – сказал Борис, – у... прошу прощения. – Борис просто вспомнил, что отец Зины арестован, и, скорее всего, находится на Зоне.

– Лишь бы никто не помешал, – закончил свою мысль Эвенир. – Вот ты мне и не помешал. Хотя все равно спасибо, что не попросил.

Борис промолчал. Он просто забыл.

– За что ты его благодаришь? – спросила дама.

– За то, что спас тебя от ссылки в котлован Беломорско-Балтийского Канала, – сказал Эвенир.

– Какого канала? А разве он еще не построен?

– Дак ремонтировать надо.

– Мы пришли, – сказал Борис. Их выбросили с парашютами, которые все закопали в лесу. Хорошие парашюты, жалко. Один из двух сержантов даже спросил:

– Может, возьмем с собой?

– Зачем? – удивился Эвенир. – На портянки? Так по портянкам тебя и узнают эсэсовцы. Тех, кто в портянках, они пытаются с особым пристрастием.

– А мы, чё, будем сдаваться? – спросил этот сержант, по фамилии Поляков. – Я так думаю вернуться.

– За звездой героя.

Все промолчали. Они тоже так думали, но уже сильно сомневались. Это место показалось им, какими-то задворками Вселенной.

– Это какая-то энергетическая яма, – сказал второй сержант. Все его звали Валера. Он был взят в отряд, как снайпер-любитель. А до этого не успел закончить Энерго-механический институт, ушел с четвертого курса. – Мы не вернемся, – резюмировал он. – И я бы хотел взять с собой парашют именно по этой причине. Хотя бы какое-то время он будет напоминать мне о существовавшем где-то в прошлом будущем.

– Парашюты с собой брать нельзя. – сказал Борис. На это была специальная инструкция.

Они вошли в Прохоровку, расположились во втором доме от края – он был пустой, как, впрочем, и первый.

– Прочему не в крайнем? – спросила Зина.

– Если снаряд попадет в дом, нас в нем не будет, – ответил Второй, старший лейтенант Киселев. Так-то, по жизни, майор НКВД. Но об этом знали только Борис и Зина.

Как и предполагалось, немцы пошли в прорыв между Куском и Белгородом. Здесь и была Прохоровка. Бойцы батареи Душина жили не в Прохоровке, а прямо у пушек, в траншее, точнее, в блиндаже, построенном из разобранного дома. Они, как и было запланировано, не знали о второй группе, посланной навстречу пошедшим на прорыв немцам.

Как только появились танки, батарея открыла огонь.

– Душин, – сказал его друг, сержант Крылов, – что толку стрелять? Ведь известно, что наши снаряды не пробьют броню Тигров.

– А это Тигры? – спросил наводчик у пушки. Он крепко взялся за станину и сцепил зубы.

– Ты чего, наводчик? – спросил Душин.

– Боюсь, – товарищ капитан. – Очень бежать хочется. Ведь Тигры очень страшные.

– Как американский небоскреб? Как китайская стена?

– Думаю, как вулкан Кракатау.

– Ты его видел? – спросил Крылов.

– Разумеется.

– Где?

– На спичечной коробке. Дым-м! До неба.

– На, парень, посмотри в бинокль, и скажи, они такие большие, как ты думаешь? – сказал капитан.

– Да, – ответил наводчик, поглядев в бинокль. – Очень.

– Ну, что ты врешь! Они даже в бинокль маленькие! – рявкнул капитан.

– Я вру?! Так они же ж далеко. И, очевидно, намного больше, чем Кракатау на спичечной коробке. Я собирал спичечные этикетки, и хорошо помню, какая там гора, – упрямо повторил наводчик. – И да, сейчас надо будет стрелять, поэтому, прошу вас, привяжите меня к станине, а то убегу.

– Я те, блядь, убегу, – Душин вынул наган и потряс им перед носом наводчика. – Впрочем, изволь, – капитан убрал наган назад в кобуру, вынул веревку и привязал наводчика к станине. – Давай, привяжи и всех остальных, – сказал Душин сержанту Крылову.

– Конечно, – ответил Крылов, – веревка-то есть! – Они, между прочим, заранее приготавливали по больше веревки. – Заградотряда-то здесь нет! – радостно констатировал сержант. – Придется самим управляться.

– Давай, давай.

– У нас бойцы сознательные, никто не откажется. Наоборот, все сами просят, чтобы их приковали к пушкам.

– А то, говорят, стрелять надо, а руки трясутся. Так будет спокойней. Даже вообще, говорят, будет хорошо. Как в могиле.

Даже песню придумали такую:

– А на кладбище все спокойненько. Не души, и не Душина здесь не видать.

Впрочем, все мечтали стать героями. За семь подбитых Тигров им обещали награды. Половине ордена Красного Знамени и Красной Звезды, а половине Героев СС. – Как пошутил в последнем слове инструктор на базе: – Одному Героя, и одному Орден. – И добавил: – Шутка.

– Хотя каки тут шутки, – сказал наводчик, когда командир крепко привязал его к пушке. – Хорошо, если и так-то получится. А вот один я получу Героя, а остальные погибнут.

– Типун тебе на язык, – сказал Душин.

– Никаких типунов, – сказал наводчик, – и знаете почему? Они бьют на убой с полтора километра. А мы сможем попасть только с пятисот метров, да и то в бок. Только, я уверен, что бок нам никто подставлять не будет. Так что я надеюсь, конечно, но только на Авось.

– Откуда у тебя такая информация? – спросил Крылов.

– Инструктор на базе сказал по секрету.

– Таких инструкторов к стенке надо ставить, – сказал сержант. – Ибо пугают бойцов без основания. Нет таких танков, которые не может пробить наша пушка. Ты понял?

– Конечно. Будет сделано.

– Почему же тогда они не стреляют? – спросил капитан, прищуриваясь в бинокль.

– Так известно почему, – ответил наводчик.

– Ты думаешь, известно?

– Да, они думают, что в деревне замаскированы наши танки и орудия. Сейчас начнут бить. Но не по нам, а по деревне. Мы для них мертвому припарка.

– Да, – сказал капитан, – ты прав. Деревня-то пуста, все жители ушли в лес. Из-за этой тишины танкисты решили, что в деревне скрывают танки и орудия. Дети. Были бы у нас здесь танки и орудия, кроме этих четырех, – Душин кивнул на свою батарею и тяжело вздохнул.

– И че было бы? – спросил вернувшийся Крылов. – Победили бы, думаешь?

– Без сомнения. Расстреляли бы прямо на границе. А то выстроились, падлы, как на парад. Мы бы им преподнесли парад с громовой музыкой, – сказал капитан Душин.

– Кажется, начали, – сказал сержант. Снаряд пролетел над их головами, и взорвался перед первым домом в деревне.

– Не стрел-я-я-блядь! – крикнул Душин. – Подпустим поближе.

– Почему? – спросил Крылов. – Один хер наши снаряды их не пробьют.

– Так дольше знать не будут, что мы бессильны, – сказал вдохновенно Душин.

– Будем брать на испуг, – резюмировал наводчик.

– А чё ты тогда там смотришь? – спросил сержант наводчика, убегая по траншее к другим пушкам.

– Так это, – сказал наводчик: – Смотрю на поле.

– И что там? – тоже спросил капитан.

– Вижу поле, – ответил наводчик пушки.

После первого снаряда, взорвавшего перед крайним домом в Прохоровке, последовали еще три.

– Вилка, – сказал Королев. – Сейчас попадут в дом. Нам тоже надо уходить. Лейтенант Киселев, спускайтесь в погреб со всей группой. Следующий снаряд будет наш.

– Ребята, погрелись, хватит! Всем вниз, – скомандовал Эвенир. И добавил: – И называйте меня, пожалуйста, старшим лейтенантом.

– Давай, давай, вали! – крикнула Зина. – Дай нам вдвоем...

– Умереть спокойно, – ты хотела сказать? – прервал ее Эвенир.

– Любить спокойно, – ответила Зина. – Иди, иди вниз. Мы будем здесь, наверху трахаться. Я не шучу. Я сказала, иди в подпол, мальчик. И не подглядывай, прошу тебя, на этот раз!

– Ты засекала расстояние? – спросил Борис.

– Да, капитан. Две тысячи метров.

– Точно?

– Да.

– Нет, совсем точно, или точно? – Зина не успела ответить, снаряд разорвался на другой стороне улицы. Большой дом разлетелся в щепки.

– Я так и думал, – сказал Борис Королев, – что этот выстрел будет произведен в дом на другой стороне улицы.

– И ради этого ты рисковал? Чтобы посмотреть, куда ударит снаряд?! Нас могли убить.

– Нет, – ответил Борис Королев, – нет, крошка. Я знал, что в нас не попадут. Пока. А вот сейчас надо уходить.

– Куда? Боря.

– Так на ту сторону.

– Нас увидят через эти, через перископы наводчики немецких Тигров.

– Пусть. Пусть думают, что мы забежали.

– Но они будут в нас стрелять!

– Не попадут.

– Почему?

– Здесь много домов, а нас мало. Мы для них это иголка. Маленькая иголка в Большой Вселенной. Они Большая Черная Дыра. Но они нас не найдут.

– Ты в это веришь?

– А вот давай сейчас, и проверим, – сказал Борис Королев. Они вышли из дома, и осмотрели пустую, дымящую улицу.

– А как же они? – спросила Зина.

– Кто-то должен вытаскивать их из-под завала. Бежим. – И он взял за руку девушку.

Начался обстрел левой стороны улицы. Лево́й это, если отсюда, а от них, наоборот, справа. Майор Гейдрих, командир танкового отряда, решил не гадать, а обстрелять деревню методично. Но не так, чтобы сначала всю левую сторону разрушить, а потом всю правую, а по уму. А именно:

– Один, четыре, два, четыре. – И Борис скоро это понял.

– Командир танкового отряда Тигров до войны играл в футбол, – сказал он.

– Как и ты, – сказала Зина. – За сборную университета. Насколько я помню, у нас была система: один, три, пять.

– Один, три, два, пять, – подтвердил, немного уточнив насчет полузащитников, Борис. – У нас в нападении меньше пяти нападающих иметь было запрещено.

– Зачем защищаться? Нападать будем! – со смехом передразнила Зина. Кого? А кого еще передразнивать кроме Первого. Услышит – Магадан. Нэ услышит – можно посмеяться. Не все же плакать. Не знали ребята, что он:

– Всё слышит. – Как в сказке:

– Высоко сижу – далеко гляжу.

– Они играли по бразильской системе, – сказал Королев.

Действительно, так и получилось. Они разгадали код стрельбы. Ну, и немного еще повезло. Дом, в подвале которого укрылась часть бронебойного отряда, не попал под алгоритм стрельбы, поэтому не пришлось разбирать завал, чтобы их освободить.

– А жаль, – сказал, отряхиваясь Эвенир. – Лучше бы нас расстреляли. Ушло бы напряжение.

– Сомневаюсь, – сказал Борис.

У них было две Стрекозы. Борис Королев расположил их на одной стороне улицы, но в разных домах.

– Лучше бы на разных, – сказал Киселев.

– Балда, – сказала Зина, – Борис лучше знает.

– Он, что, маг?

– Да.

– Немцы тоже так подумают, как ты, – сказал Борис.

– Значит, ты думаешь, как русский, а я как немец? – спросил Эвенир. – Или наоборот?

– Послушай, отвали, – сказала дочка академика, – иди в свой дом.

– А ты?

– Я его люблю, и останусь с ним до конца.

Эвенир, сержант Поляков и два бойца ушли в соседний дом.

– Стреляем одновременно с выстрелами батареи Душина, – сказал Королев.

И началось. Наводчик пушки, которая была рядом с капитаном Душиным, прицелился в Тигра, который шел немного впереди.

– Выстрел! – Капитан посмотрел в бинокль.

– Ну че там?

– Бесполезно! – Душин оторвался от бинокля и тут же опять приложил к глазам. – Нет, горит.

– Так может это не Тигры? – спросил наводчик.

– Послушай, как тебя звать, все забываю, – сказал Душин, – наводи, мать твою. А то гадает: Тигры – Пантеры. Хуеры! Огонь!

– Опять горит, – сказал наводчик. – Отсюда вижу.

Остальные три пушки тоже стреляли, но ни разу не попали, как констатировал сержант Крылов. Капитан Королев его, разумеется, не слышал, но и сам понял, что надо бить и правее. Скоро и напротив других пушек батареи Душина загорелись танки. Зина смотрела в мощный бинокль, и только успевала командовать:

– Стреляй по правому флангу, капитан!

– Огонь по левому краю, Борис.

– По центру, Королев.

Большие бронебойные пули прожигали лобовую броню Тигров. Второй гранатомет молчал.

– Пусть будет в запасе, – сказал Королев Эвениру. – Пока не стреляй.

– Тем более, – добавила Зина, – если нас засекут – будут думать, что у нас только одна огневая точка.

Эвенир согласился. Согласился, когда уходил в другой дом. Но сейчас начал стрелять.

– Тварь, – сказал Борис. – Ни хера не слушает, что ему говорят.

– Не вытерпел, – подтвердила Зина, – хочет показать себя. – И тут же, еще раз приложив бинокль к глазам, выдохнула: – Он не попадает.

Скоро к ним прибежал огородами сержант Поляков от Эвенира, и сообщил, что у них:

– Систематический недолет.

– Может быть, вы плохо наводите? – спросил Борис.

– Как ни наводи, но чтобы с десяти раз не попасть ни разу! – воскликнул Поляков, – так не бывает.

– Придется выдвинуться вперед. Передай мой приказ старшему лейтенанту Киселеву. Передислоцироваться в расположение батареи Душина.

– Так они нас не знают! – воскликнул сержант. – Перестреляют на подходе из автоматов.

– Во-первых, у них нет автоматов, – сказал капитан Королев.

– А во-вторых?

– А во-вторых, третьих и четвертых, там уже никого нет в живых.

– Танки расстреляли батарею, – сказала Зина.

– Мы стреляли по Тиграм, а Тигры по батарее Душина, – сказал Борис.

– Они до сих пор не поняли, откуда в них ведут огонь.

– Сколько танков мы уже подбили? – спросил сержант Поляков, пришедший от Эвенира. – Вы считали?

– Девятнадцать, – сказала Зина. И добавила: – Они подбили девятнадцать Тигров.

– Они будут так думать? – спросил сержант Валера, снайпер. Пока что он не стрелял – далеко. Ждал своего часа.

– Нет. Может быть, думали, – сказала Зина. – А теперь нет. Там все убиты.

Все, да не все. Наводчик орудия Душина Паша был жив. Пушка еще стреляла, и он опять открыл огонь, потому что в атаку пошла вторая волна танков.

– Выстрел! Второй! Третий! – но танки шли, и шли, неумолимо накатывая на батарею, как волна цунами. Ни один не загорелся.

– У меня осталось всего семь патронов, – сказал Королев. – Почему Эвенир не выдвигается вперед, мать его?

И тут опять прибежал сержант Поляков. Он сказал, что Стрекоза Эвенира заела.

– Патрон перекосило, и он намертво засел в затворе, – сказал Поляков.

– Идиотизм! – рявкнула Зина. И добавила: – Тащи сюда его патроны!

– Не надо, – махнул рукой Борис. – Ружья разные. – Это были экспериментальные образцы, и они были разного калибра.

Капитан Королев начал стрелять, и наводчик Паша на батарее Душина опять начал попадать. Он подбил семь Тигров, уже на задумываясь, почему пробивает лобовую броню, прежде чем сам был отброшен далеко от разбитого орудия взрывной волной. Майор Гейдрих, Тигр которого был подбит еще в первой атаке, резюмировал:

– Заебал, падла! – правда, по-немецки. Танк Гейдриха был подбит, но не загорелся. Экипаж контузило. Когда Гейдрих очнулся, на батарею пошла уже вторая волна танков. После семи подбитых Тигров, эта вторая волна не пошла даже в обход. Просто повернула назад. Полковник Маркс, командовавший этим наступлением, сказал:

– Надо сделать передышку. – Он не понимал, что происходит, и поэтому на свой страх и риск решил отложить атаку на Прохоровку. И кстати, не указал в сводке, что были подбиты еще эти семь танков. Могут сказать:

– Если вы знали, что атака, которую вы остановили, будет неудачной, зачем вообще было ее начинать? – И бесполезно было бы объяснять, что поэтому он и определил, что она будет неудачной, что подбили еще семь танков.

Как скрыть от командования семь лишних подбитых танков? Коррупция. Ведь это всем выгодно. Всем, кроме русских бойцов, защищавших это направление на Курской Дуге. Теперь будут считать, что танков было только девятнадцать. Но и это неплохо. И знаете почему? Было бы гораздо хуже, если бы кто-то додумался, что ничего вообще не было. Как будто на карте и Прохоровки-то нет. Конечно, немцы через свою разведку Абвер, могли проверить, сколько на самом деле было подбито Тигров. И, что удивительно, всё бы сошлось. Потому что русские всегда первыми проверяли через Доктора Зорге, или других законспирированных в немецких штабах разведчиков, сколько было подбито в том или ином бою танков, самолетов и другой техники. Немцы нет.

Иногда даже вообще не проверяли. Вот вам и хваленая немецкая точность. Они, например, верили, что их самолетные Ассы сбили по триста пятьдесят самолетов! В том смысле, что верили, не проверяя. На слово. А русские нет, пока Доктор Зорге не подтвердит – никаких наград. Например, Покрышкин сбивал, сбивал – сбивал, сбивал немецкие самолеты, а ему записали реально сбитыми штук шестьдесят, кажется, не больше. Более того, и Зорге-то верили не всегда. Например, он передал сигнал СОС, мол, война началась! Никто не поверил. Фантастика. Хотя с другой стороны, какая фантастика? Титанику вон тоже говорили, чтобы сильно не разгонялся, айсбергов полно на пути. По барабану. Полный вперед! Ну, и наварлся, естественно.

Так что Марксу лучше было соврать, чем говорить правду.

– Что происходит? – спросил его по радиации генерал Гудериан, который у нас учился когда-то стратегии и тактике ведения танковой войны.

– Прошу прощения, генерал, но я не могу подобрать другого слова, кроме известного вам русского слова:

– Херация! – Тигры горят, как бенгальские огни в Рождество.

Гейдрих очнулся в своем не загоревшемся танке, навел пушку Тигра на пушку наводчика Паши и разбил ее вдребезги.

Это была победа.

– Жаль, нет шампанского, – сказала Зина.

– Рано радуетесь, – сказал Эвенир, наконец, появившись из небытия.

– А в чем дело? – спросила Зина. – Ты собрался еще что-нибудь сломать?

– Я здесь ни при чем, – ответил старший лейтенант. – Несовершенство затвора Стрекозы.

– А почему у нас ничего не заело? У хорошего танцора всегда что-нибудь мешает. – Зина презрительно посмотрела на бывшего начальника оперотряда общежития университета. – Ты болван, Штюбинг, – добавила она.

– Нет, это вполне возможно, – сказал Борис. – Вторая Стрекоза не только другого калибра, но с другим механизмом посылки патрона. Это экспериментальные образцы. Мы их испытываем в боевых условиях.

– Ну, а до этого же она стреляла? – потребовала дополнительных доказательств Зина. Но не услышала. Вместо них был упрек Эвенира:

– Рано радуетесь, – и предложил Зине посмотреть в свой бинокль.

– У меня есть свой, – ответила девушка. В окулярах немцы шли длинной шеренгой на разбитую батарею капитана Душина. – Поступай в отношении себя так, как бы ты хотела сделать для других, – сказала Зина.

– Я и поступлю, – ответил Эвенир. – Вы видите, что позади шеренги автоматчиков идет небольшой отряд, всего семь человек.

– Я вижу, – сказал Борис.

– Да, – подтвердила Зина.

– Это отряд Анэнербе, – сказал Эвенир. – Они в курсе, что мы здесь. И теперь хотят захватить нас.

– Ну ты... – начала Зина, но Борис перебил ее:

– Этого следовало ожидать.

– Мы взорвем гранатометы, – сказала Зина.

– Гранатометы взорвем, но они возьмут нас, – сказал Эвенир. И, сделав перекошенную рожу, добавил: – Пытать будут.

– Не ври, – сказала Зина, – мы ничего не знаем. Только один Борис. Он делал этих Стрекоз. Его одного будут пытать.

– Нэт, – спокойно сказал Киселев. – Они будут пытать тебя, чтобы он нарисовал все чертежи.

– Да? Тогда лучше пристрелите меня, пожалуйста, а? – сказала Зина. И добавила: – Тогда нам надо бежать. Они не знают точно, где мы. И можно успеть скрыться в лесу.

– Похоже, нельзя, – сказал Борис.

– Почему? – удивилась Зина.

– Думаю, что есть план, который был мне неизвестен. Мы должны сдаться в плен. Правильно, я говорю, Эвенир?

– Не совсем так, капитан. Не в плен, – сказал майор НКВД, Эвенир Таганский. – Я представлю вас, как мою диверсионную группу.

– И тебе поверят?

– Дело в том, что я двойной агент. У меня есть с собой даже форма офицера Анэнербе. Вот и удостоверение.

– И это известно Первому? – спросил Борис.

– Зачем? Зачем всё делать самому? Когда можно разделить себя на маленькие кусочки. Эти маленькие Первенцы сами сделают всё так, как запрограммировано в большом Первом. Он изучает военное искусство по глобусу. Такие тонкости наша работа.

– Чья, ваша? – спросил снайпер Валера.

– Кому неизвестно, кто еще не понял, прошу любить и жаловать:

– Майор НКВД, Таганский Эвенир.

– Да, знаем, знаем! – махнула рукой Зина. – Заколебал уже своими полномочиями. – Она помолчала, и добавила: – Я сдаваться не буду. Я не разведчик, чтобы заниматься этой херацией.

– У меня есть полномочия ликвидировать всех тех, кто не согласен идти со мной в немецкий тыл.

– Ликвидировать всех! – воскликнула Зина, и ударила Эвенира по лицу. Потом добавила: – Мы Герои, и твои приказы нас не касаются. А то: ликвидировать всех! Хер тебе!

– Не всех, а всех тех, кто... – Эвенир не успел договорить. Сзади его ударил сержант Валера. Он держал в руках старый огнетушитель, который зачем-то здесь висел. Правда, не в самом доме, а в сенях, в пристройке. Сержант специально за ним сходил. И ждал только кивка Королева, чтобы применить этот тяжелый предмет по назначению.

Продолжение уже только в рассказах спецслужб и т. п.

Глава пятая

1

– Вправо! Влево! Вправо! – Еще раз:

– Вправо, влево, вправо. – И еще. Удар-р! Гол.

Гол в маленькие ворота. Тренер сборной Авангарда полчаса уже смотрел эту игру трое на трое в хоккейной коробочке.

– Послушай, парень, – наконец сказал он Владимиру, – можешь завтра сыграть за сборную?

– За сборную? – переспросил Владимир.

– Да, команда составлена из бывших игроков других команд.

– Да.

– Точно? Не опоздаешь? Матч начинается в пять. Приходи к четырем в раздевалку. Знаешь, где она находится?

– Там, где зимой выдают коньки на прокат?

– Точно! И там же, где зимой с помощью утюга наносят покрытие на лыжи.

– Да, я знаю это место, – сказал Владимир. Он не стал добавлять, что это место, где он первый раз в пятнадцать лет попробовал водку. Вместе с товарищем они помогали контролеру пропускать на каток всех желающих без билетов. Но, разумеется, за деньги. Набрали на бутылку водки. И тоже выпили из пол-литровой банки по пятьдесят грамм. До дома все было нормально, весело, но потом пол начал наклоняться. Началась морская болезнь. Рвало так долго, как будто он выпил ведро, а не пятьдесят граммов.

– Придешь?

– Приду.

– Приходи, я буду ждать.

Его поставили в защите. В защите никто не любил играть, кроме тех, кто вообще не умел играть в футбол, но готов был к столкновениям, и мог бегать, как рысак. Как паровоз. Как паровоз, под который попала Анна Каренина, не успев сделать финт. Она растерялась, как неопытный нападающий. Как уставший водитель, встретив на безлюдной, точнее без-машинной дороге при въезде в Москву, в Балашихе, лося, рванувшего из леса ему наперерез. Удар. Гол! Прошу прощения, просто этот лось убежал в чащу на другой стороне дороги. Анне Карениной повезло меньше. Ее лось был слишком большой. Огромный.

Мяч передали Владимиру, но он не знал, что с ним делать. Это, видимо, понял игрок другой команды, и как сорвавшийся с цепи огромный пес, точнее кабан, а, скорее всего, лось бросился на него. Ноги его поднимали вверх землю, как огромные копыта, грива – гривы не было – туловище было наклонено вперед не меньше, чем на сорок пять градусов. Вероятно, этот герой любил бегать стометровки с низкого старта. Вова понял, что зажат в угол. Передачу делать некуда, а все финты он забыл. Вообще забыл об их существовании. А между тем перед ним было огромное поле. Он ударил в игрока.

Больше его не приглашали. Впрочем, и футбольной команды на этом стадионе так и не образовалось. Видимо, не только у него – ни у кого ничего не вышло.

Он поиграл немного в спортзале ДСШ на стадионе Марс, но и там кончилось тем же. Ничего не получалось. В спортзале игра была слишком быстрой, а на большом поле он не понимал, что надо делать. Как читатель не понимает, что делать с текстом, не разбитым на абзацы.

Бархатову обещали должность заместителя главного тренера, когда попросили покинуть команду.

– Игроком ты можешь не быть, но тренером быть обязан, – добродушно сказал ему тесть, Секретарь ЦК. – Ну, согласен? А то ведь все равно ты перестал забивать. Давно.

– Я не могу играть один, Григорий Коммунарович. Неужели вы не видели, что до меня не доходят передачи?! Пока они мельтешат на своей половине поля, мяч уже теряется. Он не может дойти до меня. Нужна длинная передача. Но она почему-то запрещена.

– Ну, это неинтересно, друг мой, – сказал Григорий. – Это уже не футбол, а игра на авось. Ты понял?

– Что?

– Что? Игра без плана, – Секретарь постучал себя пальцем по виску, – не имеет смысла. Впрочем, я тебя понимаю. Но начинать надо... хотел сказать снизу, но, думаю, это будет пустая трата нервов, времени и карьеры.

– Ка, что?

– Карьеры. Что тут непонятного?

– А при чем тут карьер? Мы теперь будем играть в котлованах? – спросил Бархатов. И добавил: – Беломорско-Балтийских.

– Ты чё, охерел?

– А что? У тебя здесь тоже прослушка?

– Здесь нет, проверяли.

– Тогда чего бояться?

– Проверяли вчера, не было. Но вчера не сегодня. Ты понял? Пойдешь в Спартак. И знаешь почему? Мы ставим на Спартак. Как говорится:

– Спартак – Динамо – только одна команда должна быть всегда чемпионом. Но чтобы ты стал тренером Спартака, я сначала должен стать членом Политбюро.

– Наоборот нельзя?

– Можно. Но как?

– Я выиграю чемпионат СССР, а тебя назначат в Члены Политбюро.

– Это невозможно, даже если было бы возможно. Для этого ты сначала должен стать тренером. А чтобы стать тренером, я сначала должен стать Членом. Ты должен знать, что тренеры – это особая каста, отдельная группировка, это не бывшие футболисты, как думают некоторые болельщики. Они сожрут любого бывшего футболиста, даже самого лучшего, на ланч.

– Это что? – спросил Олег Бархатов.

– Считай, что за полдник в пионерлагере. Ну, согласен?

– На что? Я не понял. На заместителя главного тренера в Динамо? Нет. Не получится. И знаете почему? Я думаю, так же, как главный, но только наоборот. Все наоборот.

– Я так и думал. Поэтому. Поэтому есть одно предложение. Находить игроков для команд Высшей Лиги.

– Это, как в Америке, что ли?

– Именно! Ты за это будешь получать деньги. Это эксперимент. И пока он будет длиться, я стану Членом Политбюро, а ты тренером Динамо.

– Почему Динамо? Вы только что говорили, главной командой будет Спартак.

– Ты не сможешь стать тренером Спартака. Там будет категорически запрещена длинная передача. Это показательный клуб.

– Тогда мне, может, вообще уехать из Москвы?

– Куда? В деревню? В деревню, где тоже есть команда Динамо. Понятно. Но оставь этот хохляцкий вариант на крайний случай.

– Сколько я буду получать?

– Как рядовой тренер футбольной команды Высшей Лиги. Плюс за каждого игрока по пятьдесят тысяч в течение года. Если в течение года его не выгонят хотя бы из второго состава, получишь эти деньги полностью. Но двадцать тысяч сразу.

– Уже разработана целая схема? Денег много.

– Не думай, что все они достанутся тебе. Примерно половину придется отдать. У тебя никто не возьмет игрока, если узнают, что ты получишь за него деньги. А вот если поделишься – тогда другое дело.

– Вы думаете, кто-нибудь спросит?

– Нет, не думаю. А обязательно спросит. Более того, спросили бы, даже если бы не было принято официального решения платить футбольным агентам деньги из государственной казны.

– Так и называется: футбольный агент?

– Нет, конечно. Агентами бывают только иностранные шпионы. Просто разъездной тренер при Спортивном Отделе ЦК.

– Значит, в ЦК тоже придется платить?

– Приготовь сразу половину. И то по благу. А так, думаю, меньше семидесяти они не согласятся. Ты знаешь, сколько зарплата у Секретаря?

– Сколько?

– Мало. Останется у тебя немного, но все равно ты будешь чувствовать себя человеком важным. Так как будешь раздавать баблецо.

– Как кассир?

– Ну... как старший кассир. А вообще, можешь считать себя бухгалтером. Вообще, я хотел предложить на Президиуме называть таких, как ты спортивными экономистами.

– Тогда людей, имеющих отношение к футболу, вообще не допустили бы до этой кормушки.

– Вот именно так все и поняли. А нам надо победить кого-нибудь на предстоящем чемпионате мира.

– Кого угодно? – уточнил Олег Бархатов.

– Да, почти все равно. Но только или Германию, или Англию. Как вариант на бронзу, но тоже призовой:

– Бразилию, Уругвай, Аргентину.

– Португалию нельзя? Уже не засчитают? – улыбнулся Олег.

– Может, и засчитают, но премию уже никто не получит. И не только вы, но и мы. Как сказал Шура:

– А иначе мы докатимся до Африки. – А ты сам знаешь, считается, что в Африке нет футбола.

– Почему?

– Почему. Знаешь, как ассирийцы требовали откат? Играли в футбол человеческими головами. Вот ты сколько раз можешь чеканить мяч, пока не коснется земли?

– Да, много. Раз пятьсот.

– Ты был бы там богатым человеком.

– Африка вроде в другом месте.

– Земля слухом полнится. Узнали, и стали бояться игры в круглые предметы. Все думают, что это их отрубленные ассирийцами головы.

– Я что-то вроде не понял, зачем они все-таки отрубали головы? – спросил Олег. – Только потому, что они круглые?

– Скорей всего. Ну, и плюс потому, что тогда футбольных мячей не было.

Олег привез несколько футболистов из разных областей России. И удивительно, но ему заплатили. От двадцати тысяч за каждого привезенного футболиста у него осталось по четыре тысячи. Остальные, он отдавал, как и сказал ему тесть.

– Так действительно лучше, – сказал Бархатов самому себе. – И дело легко делается, и не надо социализм превращать в капитализм. Ведь если всем официально денег дать за содействие в продвижении дела, то это уж будет не социализм.

– По крайней мере, социализм, но с капиталистическим уклоном. А это значит, мираж коммунизма вдалеке будет уже слишком размытым. Практически невидимым, – сказал Григорий Коммунарович. – И знаешь, жить уже как-то неинтересно.

2

Он приехал и сюда, в город, где сыграл всего один матч за команду Марс. Его сразу пригласили в Динамо. В Москву. Команда областного центра Трактор хотела тогда перехватить игрока, забившего в их ворота:

– Три или четыре гола, – как сказал Первый Секретарь Области.

Присутствовавший на матче Представитель Области должен бы был содействовать этому. Он и содействовал, но позвонил и в Москву. Григорию Коммунаровичу, который тогда был Председателем Спорткомитета.

– Тебе нужен настоящий футболист? – спросил он по телефону с телеграфа. Звонить со стадиона не стал. Вдруг прослушают? Скажут:

– Предал, сука, свою область! – А в Москве ведь его никто не ждет с распростертыми объятиями. Конечно, если бы тогда знать, сколько будут давать клубы за этого игрока, можно бы уже тогда выторговать у Григория Коммунаровича место в Центральном Аппарате. Но Григорий Коммунарович не любил промахиваться. Поэтому сразу дал телеграмму своей дочери, которая присутствовала на том знаменательном матче. Чтобы срочно позвонила. И она, Галя, вместе с Таней, дочерью Первого Секретаря города, где проходил матч, пригласили Олега на танцы в парк.

Вот так работали наши предки. Сразу брали быка за рога по двум линиям. По общественной, государственной и личной, семейной. Как говорили:

– За рога и в стойло. – Разумеется, если бык того стоил. Что означало:

– Не только в футболе. – И это было проверено прямо в парке. Благо кустов здесь было много. Сначала он сходил с Галей, москвичкой, а потом и с Таней. Вроде бы, зачем ходить с Таней, если Галя сразу сказала:

– Кажется, он мне подходит. – Она не успела добавить: – Нет, точно, это мой парень. И Таня сказала:

– Ты пока потанцуй тут с кем-нибудь Риориту. Мы сейчас придем, только купим мороженое. – И оказалось, что тоже подходит.

Возвратившись, они обнаружили Галю в обществе местного блатного. Его звали Ворона. Именно Ворона, а не Ворон. И он радостно сообщил Олегу и Тане, что Галя теперь его девушка. Видимо, по заведенной здесь привычке, он тоже захотел купить ей мороженое.

– Мы скоро придем, – сказал он. Галя в замешательстве молчала. Точнее, как понял Олег: испугалась.

– Ну, а че ты недоволен? – спросил Ворона. – Нет, я точно вижу, что ты недоволен, парень. Как тебя зовут?

Меня – Ворона. Слышал? Нет. Это неважно. Вчера я здесь пробил молотком голову Королю Старшему. Нет, ну ты, в натуре, хочешь себе забрать обеих? Так не пойдет. Надо делиться. В общем, так, выбирай из двух одно. Или мы сейчас деремся один на один, или играем в футбол.

– Тоже один на один? – спросил Олег.

– Не, двое на двое. Их поставим в ворота, – Ворона кивнул на девушек.

Танцплощадка была набита битком. Но все отошли к ограждению. Некоторым хватило места на лавочках.

– Маэстро урежь марш! – крикнул Ворона в сторону духового оркестра, находящегося в недостижимой вышине.

– Подожди, подожди! – сказал Олег. – Давай без них, – он обнял девушек.

– В маленькие ворота? Не, я уже пробовал. Спору много будет. Давай по честной системе. Ты играешь против своего вратаря, а я против своего.

– Ты имеешь в виду, наоборот? Я такого еще не видел. Как это? – спросил Олег.

– Твой вратарь должен поймать твой мяч.

– И тогда гол будет засчитан? Это интересно. Не понимаю, как до этого не додумались в Спорткомитете.

– Нет, ты, парень, не путай... да, как тебя звать, забыл? Олег? Да, Олег. Так вот, парень, это возможно только в пределах одной танцплощадки.

– Почему?

– И знаешь почему? Языков не знаю! – крикнул Ворона, и почти засмеялся.

По жребию Бархатову досталась Таня. Имеется в виду, что она встала на воротах Вороны, а на его воротах москвичка Галя. Ну, и ясно, что самих ворот не было. Воротами по феноменальному замыслу Вороны были сами девушки. Так-то с воротами из портфелей, например, возникает много споров. Как говорится:

– Гол – извините – штанга, может быть. – Эту фразу пришлось бы повторять гораздо чаще, чем Вадим Синявский. Да и портфелей здесь не было. Ворона давно не ходил в школу. Можно бы, конечно, поставить вместо боковых штанг каких-нибудь ребят. Но все равно без верхней штанги нельзя забить в Девятку. А без девятки, действительно, какой вообще смысл в воротах? Да, мало, мало смысла. И было хорошо придумано поставить вместо ворот девушку. Трудно поверить, что это была импровизация, что Ворона играл на танцплощадке в первый раз. Но он говорил. Что первый.

– Честно. Не думай, фору я тебе не дам. У меня опыта меньше, чем у тебя. – Просто так сказал. Ворона и не думал, что перед ним профессионал. Центрфорвард. Человек, который играл в футбол не только на свободе, но и... но и в тюрьме. Правда, там никто не додумался ставить девушек в качестве ворот. Хотя девушки везде есть. Честно. Не только в Амстердаме. Амстердам-дам-дам-дам! Амстердам... Прошу прощения, игра началась.

– Маэстро! – опять крикнул Ворона, – Риориту.

Этот Ворона оказался большим финтуном. Мог даже зажать мяч двумя ногами и перебросить через голову. Хотя для такого финта надо иметь большую наглость, и махать руками в разные стороны, как Дон Кихот ветряными мельницами. Чтобы никто не подходил близко, и не толкал. И не только так он обыгрывал Бархатова, а останавливал мяч, подбивал пару раз в воздух, и неожиданно точно перебрасывал. Так, что Олег не успел обернуться и первым окатиться у мяча. И потом также технично Ворона клал мяч в руки Гале. Каждый раз он трепал ее по щеке, и говорил:

– Ты мой вратарь. – Или:

– Ты мой человек. – После третьего гола стал называть:

– Ты моя девушка.

Бархат рассердился не на шутку. Он пропихнул мяч между ног Вороны, развернулся, и так сильно ударил, что мяч автоматически ушел в левую девятку. Ну, если бы это было на настоящем зеленом поле. А так, здесь на танцплощадке, мяч, как самолет пошел все выше и выше. И так он поднимался, и поднимался, пока не наткнулся на препятствие в виде руководителя оркестра. Тот, конечно, не был убит насмерть, но потерял ориентировку в пространстве это точно. Более того, он никак не мог вспомнить, что они играли до того, как встретил комету Галлея в виде футбольного мяча. Кстати, откуда взялся мяч на танцевальной площадке? Неизвестно. Ворона говорит, что не приносил с собой. Скорее всего, он случайно попал на высокую веранду, где сидели трубачи, еще днем, когда здесь играли в футбол дети. Не на танцпло-

щадке, а рядом, недалеко, за кустами была баскетбольная площадка, где днем играли в футбол. Можно бы и в баскетбол, но уж больно сложны правила. По рукам бить нельзя. Как мяч тогда отбирать? Чуть что – штрафной, чуть что – штрафной. Лучше в футбол, тут без рук, и без судьи можно играть. Это был не центральный городской парк, а:

– Парк Текстильщиков. – Мяч вполне мог появиться и ниоткуда. Здесь любили играть в футбол. Но и зарезать могли после танцев. Так тоже бывало. И недели две никто не хотел ходить сюда на танцы. Потом опять приходили. В конце концов, все-таки перешили в большой и более культурный Городской Парк отдыха. С фонтаном, как было сначала написано в книге Ильфа и Петрова Двенадцать стульев. Потом исправили на раздевалку. Клуб, имеется в виду, который построили на деньги буржуазии, был с раздевалкой.

– Каки тут фонтаны, – сказал этим талантливым, умным и ученым ребятам цензор. – Чай не Гум. – И грубо добавил: – Все бы вам шляться по магазинам. Нет бы культурно:

– Не шоппингом единым жив человек. – Но раздевалкой и туалетом тоже.

Пришлось играть другую песню. Руководитель оркестра забыл Риориту после попадания мяча в голову. Не совсем, а на некоторое время. Что играть? Решили, чтобы не ошибиться играть то, что ребята помнили с детства. А именно:

– Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый! Вейся, вейся, чубчик на ветру! Ой, карман, карман ты мой дырявый! Ты не нра, не нравишься вору!

– Чубчик, чубчик, я тебя любила, и теперь забыть я не могу, – подпевала Таня, которая стояла на воротах, точнее, была воротами почти под оркестром.

Вроде бы хорошая песня, добрая, но Ворона почему-то стал играть хуже.

– Ты че, растерялся? – спросил его Олег, чем разозлил еще больше. Счет сравнялся, потом и время вышло. Играли всего пятнадцать минут. В конце концов, люди танцевать пришли.

– Не футболом единым жив человек, – высказался Яков Бергман, руководитель оркестра, с верхатуры эстрады, – но и песнями и танцами.

Ворону разозлила не только песня, но и то, что все три раза Бархатов пропихивал или прокидывал ему мяч между ног. А в третий раз, чувствуя, что Ворона быстро повернулся и сейчас толкнет его в спину, тоже развернулся, и встретил противника не спиной, а руками. Ворона подумал, что мяч не попал в руки голкиперше Тане. И очень удивился, что он у нее в руках. Гол был забит пяткой.

Как ни ругали Бархатова, но даже в тюрьме, точнее на Зоне он продолжал бить пяткой по воротам. Пяткой делал передачи, и даже начинал игру с центра поля пяткой.

Но это было еще не все. Счет остался 3:3. Решили бить пенальти. Народ от стен уже кричал:

– До первого промаха! – Первым бил Олег, но теперь не Тане, находящейся под оркестром, а Гале у стены, которая во второй верхней половине была не сплошной, а сделана из планок. Эти планки иногда разбивал блатной по имени Мышь. Показывал, что основание ладони у него железное. И на самом деле, другие не могли их сломать. Он уже отошел на свои коронные двенадцать шагов, когда Ворона сказал, но это неправильно.

– Надо поменяться местами. – И Галя встала у оркестра. Олег пробил мягким навесом прямо ей в руки. Ворона тоже отошел далеко. Он бежал со скоростью дикого вепря. Решили, что решил проиграть, и ударить выше. Мяч и пошел на подъем. Но слишком медленно. Как самолет с замерзшими крыльями. Он захватил с собой Таню, и донес до самого верха забора, до планок. Две из них сломались, но третья выдержала, не пропустила за борт, и Таня шлеп-

нулась назад, на танцплощадку. Оркестр перестал играть марш Славянки, который сопровождал эти пенальти. Все затихли. Девушка лежала без движения. Ворона подошел к ней, немного подумал, и применил свой коронный прием. Перепрыгнул через ограду, и, прихрамывая, побежал в темноту сада. Это и был не Парк, а именно Сад Текстильщиков. Хотя росли здесь только дикие яблони и груши. А может, когда-то они были нормальными, а потом одичали. Только с большой голодухи после целого дня игры в футбол их можно было есть.

Вернулся я на Родину
Шумят березки стройные
Ху-ху, ху-ху, ху-ху
И я знако-о-мой улицы
Совсем не узнаю-ю.
Ху-ху и слово Родина,
Ху-ху в чужом краю-ю!
(Как доктор Зорге).

(Автор оригинального текста: М. Матусовский)

3

– Ты где играл до Зоны?

– Я?

– Ну, не она же, – капитан милиции, куда их привезли вместо больницы, кивнул на лежащую на лавке Таню.

– В Торпедо.

– Есть такая команда?

– Была.

– Да, есть, есть и сейчас, – усмехнулся дознаватель, – я просто пошутил. Хотя с другой стороны, какие шутки? Почему команда всегда занимает последние места? Почему в Спартаке умеют играть, в Динамо тоже, ЦДКА даже иностранцев громит, как немцев на Курской Дуге. Динамо Тбилиси и Динамо Киев даже умеют играть. А у вас, сколько еще будет продолжаться эта херация? Вы на поле зачем выходите, играть или так, на прогулку, просто показать, что вы еще существуете? Вы можете ответить на простой вопрос:

– Почему в команду не набирают футболистов?

– Вы забыли, я только недавно вернулся.

– А какая разница? Вы думаете, от этого что-нибудь изменится? Я один из всей милиции болею за Торпедо. И каждый день просыпаюсь с мыслью, существует ли еще эта команда, или нет? У меня раньше отец работал на Фрезере, а потом на Автозаводе.

– Поэтому и болеете за Торпедо?

– Да, я душой чувствую близость к этой команде.

– Как вы оказались здесь? Отца посадили, что ли?

– Почему посадили? Это не обязательно. Некоторые уходили на войну. Вы вообще в курсе, что здесь когда-то была война?

– С немцами? Так это недавно.

– Недавно! – передразнил капитан. – Вчера. Вчера была война. Войну выиграли, а в футбол выиграть не можем, с сожалением добавил милиционер. – И да, вы про отца спрашивали? Он погиб на Курской Дуге. Был танкистом.

– Как он погиб?

– Просто. Снаряды не брали броню Тигра. Пошел на таран. Я не понимаю, кто делал эти снаряды? И самое главное для чего? Если они не пробивают броню, на хер их было делать? Впрочем, теперь уже поздно об этом говорить. Какие танки, если в футбол выиграть не можем! И да, – добавил капитан, – вы знаете эту девушку? И вот еще вопрос, – капитан порылся в бумагах, – как вас пустили в наш почти военный город? Вы ведь сидели по пятьдесят восьмой статье?

– Вы сами уже ответили на свой второй вопрос. Кто-то должен играть в футбол.

– Угу. Значит, все-таки там думают о чем-то.

На первый вопрос отвечать не пришлось. Вошел майор, и сказал, что все должны быть задержаны.

– Эта девушка – дочь нашего Первого Секретаря.

– Ее тоже в камеру? – спросил капитан.

– Ты что, рехнулся?! Зачем?

Далее, у майора контузия.

– Вы сказали, что всех... – начал капитан, но майор его прервал:

– В принципе да, большинство надо отправить на целину. Я сказал на целину?

– Кажется, – сказал капитан, – я невнимательно слушал.

– Нет, тогда исправь: на Колыму. Хотя это тоже целина. Далее, этого в КПЗ, эту в лучшую палату больницы. На него дело об экзекуции над дочерью нашего Первого. Все записал? Ну, давай, действуй.

– Да меня-то за что? – Олег Бархатов встал.

Майор быстро приложил ладонь к кобуре, но наган вынимать не стал.

– Сидеть! Или я его достану, – он похлопал по кобуре. – И, как говорится, при попытке к бегству.

– Это футболист, – сказал капитан, и направил настольную лампу в лицо задержанному.

– Да мне этот футбол вот уже где! – майор все-таки вытащил наган и резанул им себе по горлу, как финкой. – Была у меня такая финская финка! Не финка – золото. Привез с финской. Вчера девятый опять проиграл второму цеху. А я, как последний дурак ее поставил. Проиграл этому Герке хромому.

– Какому Герке? – автоматически спросил капитан.

– Ты че Херку не знаешь на подшпиниках? – удивился майор.

– А-а, и ты ему проиграл?

– Так ни хера играть не умеют. Я вот что думаю, – продолжил майор, – Задержу-ка я вас здесь, мил человек. Ненадолго. Потренируете девятый цех, а там поедете дальше.

– Как долго? – спросил Олег, – мне надо быть в Москве...

– Я уже говорил про Колыму? – спросил майор.

– Да, – поднял голову от бумаг капитан.

– Тогда я не понимаю, разве есть Москва на Колыме? Там, мать твою, будешь тренироваться. Запри его в камеру. Нет, ты только подумай, двух баб трахнул, искалечил Ворону, руководителя оркестра отправил в психушку, и он еще не на Колыме?

Олег очень удивился познаниям майора о последних часах его жизни.

– А ты как думал, – сказал майор, увидев растерянное лицо Олега. – Мы здесь работаем, а не только в футбол играем.

– За мной следили, что ли? – ахнул Бархатов.

– Он удивляется! – даже улыбнулся майор. – У нас ведь здесь все просто. Все жители нашего города разделены на две равные части. Одни следят за другими. И все нормально.

– Так они превратятся в натуральных стукачей! – воскликнул Олег. – Так нельзя.

– Так мы так и не делаем, – сказал капитан из-за стола.

– А вот майор говорит, что делаете.

– Он просто не закончил свою цитату. Мы их же ж меняем местами. Как на заводе работают. Неделя утро – неделю вечер, или ночь. Мы – как все. Только у нас по месяцу. Месяц одни следят за теми, потом те за этими.

– Я вам не верю, – сказал Олег. – До этого не додумались даже на Зоне.

– Дак там отстающая система, – сказал майор, закуривая Герцеговину Флор. – Все хорошее сначала начинается на свободе. Вы сами убедились, я знаю о вас всё. Впрочем, хочу сам проверить, на самом ли деле вы такой футболист, как говорите.

– Я ничего не говорил.

– Дак еще скажете. Под пыткой, если надо будет. Капитан, достаньте мяч. А ты встань у стены с той стороны. Две девятки, две шестерки. Попадешь?

– Не знаю.

– Он не знает. Ты слышал, капитан?

– Придуривается, чай. К тому же, товарищ майор, у меня ничего нет. Я ставить не буду.

– Будэш. Мне донесли, что у тебя есть военная Беретта. Ты ее выменял у американцев на этом Буге-Вуге. А знаешь, на что выменял? – обратился майор к Бархатову. – На трофейный фаустпатрон.

– Да этих фаустпатронов там было, как у нас раков в реке! – почти крикнул капитан. И добавил: – Впрочем, извольте, я вам отдам Беретту. А вы мне что, если проиграете?

– Финку.

– Вы ее уже Херке проиграли.

– Отыграюсь.

– Так не пойдет. Бинобль цейсовский ставьте, восьмикратный.

– Ладно. Значит, ты считаешь, что этот футболист не попадет из пяти ударов два в девятку, два в шестерку?

– Никаких из пяти. Четыре.

– Один должен быть тренировочным, – сказал майор. – Так всегда делается.

– Я Беретту могу поставить только без тренировочного удара. Пусть бьет четыре раза.

– Ладно, я согласен.

Бархатов сказал, что всем надо лечь.

– Я буду бить сильно.

– Хочешь в побег уйти? Кстати, почему он без наручников? Надень.

– В наручниках я бить не буду. Это только дуракам кажется, что футболистам руки не нужны.

– Да? Вот не попадешь, мы тебе их отрубим, – сказал майор. – Ладно, бей так. – И сел на лавку рядом с лежащей Таней.

Три раза Олег попал. Два в шестерку, один в девятку.

– Я буду дежурить ночью, – сказал капитан. – Если попадешь, посрать не выпущу. А уж поссать тем более.

– Не бойся, бей точно.

– Вы мне можете, в случае чего? – спросил футболист.

– Че те помогать? Не на расстрел же поведут. Подумаешь, обоссешься пару раз ночью.

И Бархатов ударил. Так ударил, что мяч должен был после отскока забегать по комнате, как злобный соболь в клетке. И хорошо бы еще кусался. Но не вышло. Мяч попал прямо в лоб начальнику милиции, подполковнику Смирнову. Он как раз открыл дверь снаружи. Смирнов упал, и сбил еще кого-то сзади.

Наконец подполковник вошел и сказал, обращаясь к Бархатову:

– Ты, блядь, террорист какой-то, а не футболист.

– Я...

– Молчи, – Смирнов махнул рукой, и прошел на середину комнаты. – Мало того, что я теперь ни хера не соображаю, так твою жену чуть не покалечил. – Тут Олег увидел Галю.

– Мы женимся? – удивленно спросил Олег.

– Дак да, – ответил за Галю подполковник. – Это единственный для тебя выход. Иначе, – он скрестил два пальца одной руки с двумя пальцами другой, и добавил: – Увидишь не Москву, а небо в крупную клеточку.

– Утром? – только и спросил Олег.

– Мы хотели утром, – быстро сказала Галя, и перешла на сторону Олега, взяла под руку.

– Но дело не терпит отлагательств, – добавил начальник милиции, – поэтому я уже сам расписал вас. – И он протянул документ на подпись Бархатову. – Имею права. И да, давай быстро подписывай, а то за тобой уже едут.

- Так я не понимаю, за что уже едут?
- Двоих этой ночью зарезали в Саду Текстильщиков. Говорят: ты.
- Да кто это мог сказать, чушь! – сказал Олег.
- Не кричи, пожалуйста, – сказала Галя. – Ворону поймали, и он дал показания, что это ты.
- На ноже твои отпечатки пальцев, – сказал Смирнов.
- Этого не может быть! Откуда на ноже могут быть мои отпечатки пальцев? Может, только я им хлеб резал на квартире.
- Не хлеб, мил человек, а это кинжал с полметра длиной.
- Ах, вон оно, что, – облегченно вздохнул футболист. – Сам Ворона мне его и показывал, хвалился, что камни в рукоятке настоящие. Кинжал у него под пиджаком на спине крепится. Как у самурая, сказал он.
- Хорошо сказано. А главное, точно, – сказал подполковник. – Именно так про тебя и сказал Ворона. Не у него только, а у тебя на спине он был привязан. И знаешь, я ему почти верю. Нет у нас в городе таких кинжалов. Подписывай.
- Что? – не понял задержанный.
- Брачный контракт, – невозмутимо сказал начальник милиции. – Это твой единственный шанс добраться отсюда до Москвы.
- Какие невероятные сложности! – воскликнул от удивления Олег. – А кажется, что Москва так близко.
- Близко-то близко, да только далеко, – вставил свое слово майор. Он был расстроен, так как был не уверен, отдаст ли капитан ему свою Беретту. Ведь точно неизвестно попал Бархатов в последнюю девятку, или нет.
- У вас поезд в девять тридцать утра, – сказал подполковник. – Прощайте. И если навсегда, то навсегда прощайте.
- Когда они уходили, вели какую-то задержанную девушку. То ли в туалет, то ли из туалета в камеру. И она пропела ребятам прощальную песню:

Живет ширмач на Беломорканале
Он возит тачку, работает киркой-й!
А рано утром, зорькою бубновой
Его стреляет лагерный конвой-й!
А рано утром, зорькою бубновой-й!
Его хоронит лагерный конвой-й!

(Автор слов – неизвестен)

Глава шестая

1

И вот он приехал сюда через десять лет. Кто-то посоветовал посмотреть молодого футболиста.

– За какую команду он играет? – спросил Олег Бархатов.

– Да может не за какую.

– За Марс?

– Вы знаете команду Марс?

Олег не стал сообщать собеседнику:

– Не только слышал, но и играл за Марс.

– Посмотрите на стадионе Авангард.

– Как его зовут, вы говорите?

– Заплатите мне три тысячи из ваших премиальных?

– Конечно. Через два года. Если он будет играть в высшей лиге.

– Через год, – ответил мужчина.

– Если будет играть через год – получите и пять.

– Слово?

– Даю. И да, как его звать?

– Владимир Королев.

– Владимир Королев, – записал Бархатов в своей желтой кожаной записной книжке.

По поводу этой книжки жена сказала ему в Англии:

– Ты Бархатов, почему книжка желтая?

– Бархат бывает не только черным, – ответил Олег. – Я даже хотел купить зеленую, да постеснялся.

– Правильно, французы, вон носят розовые и светло-зеленые свитера.

– Ты думаешь, я похож на француза?

– Нет, ты похож на лорда Бэкингема.

– Лучше уж на Дартаньяна.

– Я хочу, чтобы ты был Королем Людовиком.

– Тогда, давай зайдем в бар, выпьем английского пива, и тогда ты представишь меня и Лордом Бэкингом и Людовиком Тринадцатым.

– А ты меня?

– Президентом, – ляпнул Олег.

– П-президентом чего? – недоуменно улыбнулась Галя.

– ЦУМа.

– Таков твой ответ? Теперь внимание, правильный ответ. – Но она не успела ответить. В бар зашла женщина с высоким – метр двадцать в холке – догом. Эта собака очень их заинтересовала.

– Я могу продать вам кутенка, – сказала дама. – Кстати, меня зовут Агата.

– Надеюсь, не Кристи? – мысленно заметила Галя. Но они взяли у нее маленького, с морщинистым носом щеночка, и привезли в Москву, где Галя работала. Да, работала, в отличие от некоторых Генеральным, нет, не Секретарем, разумеется, а директором. Генеральным Директором ЦУМа.

Папа не пускал, но девушка захотела работать.

– Как все, – высказалась она.

– Как все, – повторил Григорий Коммунарович, и посоветовал пойти директором ЦУМа.

– Лучше начать раньше, чтобы через пару лет быть не просто директором, а Генеральным Директором.

– А есть разница? – спросила Галина.

– Есть.

– Такая, как милостивым государем и Государем Императором?

– Такая же, как между секретарем и Генеральным Секретарем, – ответил Григорий Коммунарович, Начальник Отдела ЦК.

Сегодня играли пять на пять. Не протолкнуться. Желающих поиграть было много, а места мало. Хотели уж выйти на большое поле, но сторож не пустил. Да и тренер Авангарда был тут.

– Нельзя. Только для официальных соревнований. Мы вон и сами тренируемся иногда на запасном. Идите на запасное поле.

– Там неудобно, – сказал Королев.

– Ну, и играйте в коробке всю жизнь, – сказал тренер. – Все равно вы уже привыкли к хоккейному обзору. Вам поля не видать. И да, – добавил он: – Как своих ушей.

Олег Бархатов приехал, когда они играли уже целый час. Вова, как только увидел его, протер глаза, как будто увидел Призрака. Олег иногда снился ему. Именно, как Призрак, сыгравший на его глазах всего одну игру за Марс против Трактора. И за один этот матч был сразу переведен в Москву в Динамо. Хотя областной Трактор включил свои рычаги, чтобы удержать его в своей епархии. Однако Вова думал, что он просто испарился. Не было, был, и опять нету.

Призраки, как Призрак Блаватской, решил он, появляются редко. И вот он опять здесь. Однако Призрак его не узнал. Олег смотрел за игрой и пытался угадать, кто среди них Владимир Королев.

– Это команды разных городов? – спросил Олег у соседа, нервно курившего Герцеговину Флор.

– Почему? – ответил тот, не глядя на собеседника.

– Очень заинтересованно играют.

– На тридцать кружек пива. После игры пойдут в чапок за линией.

– Это на каждого по шесть?

– Нет, на всех.

– Без закуски? Креветки там, или раки.

– Нет, с лещами. Раков ловить надо.

– А лещей не надо?

– Нет. Они уже сушеные. – Олег хотел спросить, кто Королев, но решил все-таки угадать сам. Не зря же выделил его бывший тренер Торпедо.

Счет был 5:4 в пользу правых, за которых играл Королев.

Олег опять повернулся к соседу.

– Они играют без времени, – ответил сосед на незаданный вопрос. – До семи голов.

– А если...

– А если... До преимущества в два мяча. Как в настольном теннисе. Вы любите играть в настольный теннис?

– Я больше в бильярд, – ответил Бархатов.

– Переходите на настольный теннис. Это интереснее.

– В бильярд можно играть на деньги.

- В теннис тоже. Хотите, сегодня вечером сыграем. В ДСШ есть два хороших стола.
- На что?
- Не знаю, надо подумать. Кстати меня, Николаем зовут. И я тебя где-то видел. Как тебя?..
- Олег.
- Точно! Ты в футбол никогда не играл?
- Кто сейчас не играет в футбол? – уклончиво ответил Бархатов.
- Это верно, даже блатные и воры. Один вор и трое блатных здесь тоже играют.
- Справа двое в голубых трико два брата Короли, и в красной футболке Русин. Слева

в спортивном костюме Заяц.

- Заяц вор? Что он ворует?

– Мотоциклы. Мудила с...

- С Нижнего Тагила? – усмехнулся Бархатов.

– Нет. С Цыганского. Хоть бы продавал их. А то покатается, и бросит. Воровать хочется, но советская мораль в крови не позволяет довести это дело до конца.

- Вы думаете, она в крови, а не в окружающей действительности?

– Честно говоря, не знаю. Не думал до такой степени подробно.

Тут Заяц прошел всю команду правых и буквально закатил мяч в ворота. 5:5. Почти сразу последовал ответ. Король сделал пас в центр. Игрок, получивший пас не стал никого обводить. Он поднял мяч высоко. Почти до неба, как показалось Олегу. И мяч, полетав там немного, упал точно в ворота.

– Если это не Корольев, то я уже не угадаю, – подумал Бархатов. – Но посмотрим. Спрашивать не буду.

В следующем розыгрыше этот парень прошел в правый угол коробочки, и, не глядя, откинул мяч набежавшему Русину. Но тот с трех метров не попал в ворота. Даже Олег три раза ударил кулаком по дереву. И, как оказалось, не зря. Хотя Николай рядом сказал, что эти ребята, Короли и Русин вчера гуляли в Городском Парке, и были сильно пьяные.

- Думаю, они проиграют, – сказал Олег.

– Вы курите?

– Нет, но ношу с собой коробку Герцеговины Флор, чтобы чувствовать себя спокойнее.

– Да? Я тоже. Только я уже выкурил из нее уже две штуки. Тем не менее, предлагаю поспорить, что выиграют Короли.

- А Заяц проиграет? – уточнил Олег.

– Да.

– Согласен.

Счет как раз стал 7:7. Заяц опять забил. Он зажал мяч между ног, и перебросил его сразу через двоих защитников. Потом спокойно закатил в ворота.

- Еще один гол, и я выиграл, – сказал Олег. – Я правильно понял?

– Да.

Но счет сразу же опять сравнялся. Тот же парень, что забил гол прямо с центра поля, прошел с центра до ворот. И всех обошел одним и тем же финтом. Этим финтом сам Олег обыгрывал здесь десять лет назад команду областного Трактора. Движение вправо вместе с мячом, потом влево корпусом, едва касаясь мяча, и опять вправо, уводя мяч внешней стороной стопы еще дальше вправо и прямо. Прямо к воротам противника. И так три раза. И прошел троих. У самых ворот он передал мяч второму Королю. Тот стоял уже у дальней штанги маленьких хоккейных ворот. Гол.

– А как будто пробежал бегом вдоль борта! – радостно воскликнул Олег Бархатов. Николай хмуро посмотрел на него. Но ничего не сказал. – Опять по полям.

Русин перехватил мяч, передал его тому же игроку, и он опять увел мяч в угол. Не оглядываясь, игрок откатил мяч пяткой.

– Опять пяткой, – резюмировал Николай. И стоявший уже тут Русин на этот раз попал в пустые ворота. Впрочем, они всегда были пустые. В такие ворота вратаря не ставили. Куда бить, если в маленьких воротах будет еще и вратарь стоять. Стоять-то можно было, нельзя было ловить руками. Но некоторые ловили. За что назначали семиметровый. Хотя логично бы надо просто засчитывать гол.

– Остался один гол до моей победы, – сказал Олег, правильно?

– Да. Но его еще забить надо. – И гол забил все тот же молодой, лет шестнадцати-семнадцати светловолосый, как немец, парень. Тем же коронным финтом Олега Бархатова он прошел троих по правому краю вдоль борта, а через четвертого просто перебросил мяч. 7:5. А почему? Как только счет сильно увеличивается, его сокращают на пять голов с каждой стороны. И потом опять начинают наращивать. Не играть же на самом деле до сорока или даже до двадцати голов. Почему? Запутаться можно. А самое главное, голы при большом счете сильно уменьшаются в цене. Почти ничего не стоят.

– Наша победа, – сказал Олег. Николай протянул ему свою пачку.

Олег сказал:

– Оставь себе свою Герцеговину Флор. Лучше пригласи светловолосого игрока с чубчиком поиграть с нами в теннис.

– Прямо сейчас, что ли? И да, папиросы назад я не возьму. Проиграл – значит проиграл. Впрочем, могу их отыграть у вас в теннис.

Они поехали в ДСШ. Парень сначала отказывался, а потом согласился, когда Олег сказал, что хочет поговорить с ним насчет игры в футбол в команде. Хотя так и не спросил фамилию игрока.

– Хорошо, я только скажу ребятам чтобы...

– Чтобы пили твое пиво? – спросил Николай. – Давай лучше я его выпью. У меня горе.

– Опять ставил против меня и проиграл?

– Да.

– Хорошо, иди вместо меня. И знаешь почему?

– Чтобы в следующий раз ставил на тебя?

– Нет, я ему всегда говорю, чтобы ставил против меня. Тогда мы обязательно выиграем, – обратился парень к Олегу. И добавил: – А пиво я слишком люблю, чтобы пить его часто.

Подошла Таня. Стали думать: не едут они в ДСШ или все-таки едут?

В конце концов они все-таки доехали до Спортшколы. Вова присел на диван, а Бархатов с Таней заиграли в теннис.

– Вы меня не узнаете? – спросила Таня, и тут же провела сильный удар в правый угол. Она подняла ракетку перед головой, точно по-пионерски, подняв китайский шарик из-под стола.

– Вы умеете играть в теннис? – спросил Олег.

– Да. Я была чемпионкой.

– Города?

– Пионерлагеря. Занимала вторые места в меж-лагерных соревнованиях. Спросите:

– Почему не первые?

– Я люблю вторые. Вы со мной согласны?

– Согласен ли я? Нет. Впрочем, да. Я сейчас сам уже не на первом месте.

– А! Точно, – как будто обрадовано воскликнула Таня, – вы играли в этой, как ее? Ракете. Нет? В самолете?

– В Торпедо, – хмуро ответил Бархатов. И добавил: – Впрочем, не только.

Королев молчал. Он тоже был Королев, как те двое братьев на хоккейной площадке. Но из другой фамилии. Не родственники. Ибо Королевых, как и Смирновых – много, да и Мягковых хватает.

Он видел перед собой Призрака, который когда-то подарил ему футбольный мяч, послав его так сильно, что мяч долетел до самого забора, и запутался в густых листьях клена.

– Точно! – наконец воскликнул Олег. И добавил: – Вы – Таня.

– Наконец-то вы вспомнили, что когда-то мы тоже вместе играли в футбол. На танцплощадке. Но тише, мой парень не должен знать, что когда-то я с вами вместе ходила на танцы. Он подумает, что слишком стара для него. Вы согласны?

– Да, конечно, – ответил Олег, начиная новую партию до двадцати одного очка. Эту-то он уже проиграл.

– И да, – сказала Таня, – я поеду с ним. Не хочу, чтобы все футболисты уезжали от меня в столицу. Третьего мне ждать придется слишком долго.

– Я не против. Если у вас есть деньги, чтобы снимать жилье, вы можете даже взять с собой еще кого-нибудь.

– Так вы точно забираете его с собой? – спросила Таня, и, повернув ракетку вниз, щелчком пробила по центру мяч, зависший над столом. Но Бархатов его отразил. Шарик завертелся, как мальчик после шлепка по попе с оттяжкой, но не у нас, разумеется, а в Англии, и то давно, во время написания романов Чальзом Диккенсом. А скорее всего, еще раньше. В общем, как Оливер Твист. Таня зашла сбоку, подождала, пока шарик подлетит поближе, и шарахнула его так, что он не разбился только потому, что был фирменный, китайский.

– Зачем вы так сильно его ударили? – спросил Олег.

– Чтобы не орал, как будто его режут. – И добавила: – Тем более, он стойкий, как китайский самурай. И да:

– Вы помните, что мой отец был Первым Секретарем?

– Да, что-то такое было.

– Не надо. Вы все помните.

– Ну, допустим. Его расстреляли?

– Нет, он умер сам. На Зоне. Кто-то написал на него донос, что не додавал деньги, полученные из Москвы, исполнительной власти для строительства асфальтного завода, и в дальнейшем дорог. Вы сами видели, какие у нас дороги.

– Да...

– Да. Вот именно, да, а моего отца здесь нет уже почти десять лет. Ничего не изменилось, хотя асфальтный завод функционирует на полную мощность. Куда он девается, неизвестно.

– А что говорят?

– Мало асфальту. Говорят, надо строить еще один асфальтный завод! Ну, обнаглели, честное слово. И потому я хочу уехать отсюда.

– Почему?

– А вы не поняли? Я устала критиковать эту администрацию.

– Боитесь, как бы и вас на... не посадили?

– Можете и так считать. Спасите меня тоже.

– Тоже? А кого еще я спас? Наверное, ты имеешь в виду Галю. Да, я обязан тебе, может быть даже жизнью. Я помогу тебе.

– Хорошо, что ты сказал это, прежде чем узнал, чего я на самом деле хочу. А хочу я быть рядом с ним, – Таня кивнула на задремавшего на черном пружинном диване Вову.

– Ну, окей, окей. Ты, конечно, намного старше его, но я тебе обязан.

– И не только ты, милый, – сказала Таня, побеждая и в этой партии.

– Другие долги меня не интересуют.

– Думаю, для моего желания понадобятся и другие долги. Государство реабилитировало моего отца. Посмертно, к сожалению. Но я теперь имею право попросить себе квартиру где-нибудь на окраине и достойную работу. Ну, чтобы было можно не только, где жить, но и чем жить. Мне предлагали деньги, но решила взять натурой.

– Это лучше, конечно, – сказал Олег. – Деньги-то можно не успеть истратить, а их поменияют. Пока ищешь, куда спрятал – пропадут, срок обмена закончится. Для этого, собственно, и делают обмены. Считается, что люди часто забывают, куда закопали свои кубышки.

– Квартиру мне предлагали в деревне, в Перово. Знаешь, где это? Впрочем, не важно, никто не знает. Я попросила сразу улучшения. И получила их в виде трехкомнатной квартиры в первой семизэтажке на Автозаводской. Дом Автозавода имени Лихачева. Ну, ты, наверное, знаешь?

– Да, я сам там получил квартиру.

– С работой мне тоже помогут. Но нужна твоя помощь, ты должен представить меня Морозову, которого скоро назначат старшим тренером Торпедо.

– З-зачем? – спросил Олег Бархатов, почему-то заикнувшись.

– Ты, что, боишься? – спросила Таня. – Как бить в меня мячом, ты не боялся.

– Так это не я, а Ворона. Кстати, где он сейчас? Больше в футбол не играет?

– Сидит, где же ему еще быть. На Зоне, наверное, в футбол играет. За сборную отрядов. Тем не менее, ты согласился, чтобы он бил в меня.

– Нет, пожалуйста, только кем? Врачом? Ты врач?

– Нет.

– Окончила Физкультурный институт заочно?

– Плехановский.

– Умеешь готовить мясо по-французски?

– Нет. Я экономист.

– Что экономишь?

– Товары народного потребления. Я вообще, Контролер. И да: – А если бы я окончила Физкультурный институт, ты бы кем меня порекомендовал?

– Массажистом. И знаешь почему? – спросил Бархатов, отбивая неточно очередной мяч.

– Массажисток в футбольные клубы не берут.

– Точно!

– Вот именно поэтому я хочу устроиться на работу футбольным тренером. – Олег споткнулся и наступил на фирменный китайский шарик, который искал под столом.

– У меня есть запасной, – сказала Таня, – не стоит расстраиваться по пустякам. – Даже два.

– Что два?

– Два шарика, – и она поиграла в согнутой ладони двумя шариками с красными фирменными китайскими иероглифами.

– Вам никто не поможет. Не возьмут, – резюмировал Олег. – Вы знаете, что в начале века в Англии женщины чуть не завоевали весь футбол? За один год там количество команд из двух увеличилось до пятидесяти. Мужики схватились за головы. Конец их любимой с детства игре. Даже не с детства, а еще раньше, в небесном проекте, мужчины получают этот неубиенный вирус, как подарок на Рождество:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.